

ЛЕВ ДЁМИН

СИНГАПУР МНОГОЛИКИЙ

ЛЕВ ДЁМИН
**СИНГАПУР
МНОГОЛИКИЙ**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ»
МОСКВА 1975**

91(И5)
Д30

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Д30 **Дёмин Л. М.**
Сингапур многоликий. М., «Мысль», 1975.
80 с. с карт.; 4 л. ил.

Советский журналист делится своими впечатлениями о молодом государстве Сингапур, занимающем одноименный небольшой остров на юго-востоке Азии. Положение страны на пересечении морских торговых путей, многонациональное население, специализация хозяйства на международной торговле обусловили ее неповторимый колорит. Автор побывал в старых районах Сингапура, связанных с колониальным прошлым, в районах нового строительства. Он описывает облик города-порта, историческую судьбу бывшей колонии, сложные проблемы молодого государства.

Д $\frac{20901-099}{004(01)-75}$ 198-75

91(И5)

«ЛЬВИНЫЙ ГОРОД»

Я летел из Джакарты в Сингапур. Это всего около часа полета. Не успеешь пристегнуть ремни, выпить стакан содовой воды, предложенный стюардессой, как уже остается позади испещренное коралловыми отмелями Яванское море... Вскоре самолет идет на снижение. Под нами огромный город, расчерченный серыми линиями асфальта, комплексы новых высотных зданий, черепичные крыши старых особняков, окруженных зеленью, множество кораблей на рейде. Вот он, Сингапур — «Львиный город».

...Сингапур лежит близ экватора. Выйдя из самолета, сразу же ощущаешь высокую влажность и удушливую тропическую жару. Среднегодовая температура здесь около 30° . Каких-либо температурных колебаний, зависящих от смены времен года, почти не наблюдается. Здесь вечное лето. Ночью температура падает лишь на несколько градусов. Однако в гостиничном номере работает кондиционер и дышится легко.

Из моего окна открывается вид на сингапурский порт. На рейде и у причалов десятки, сотни кораблей разных типов: современные гиганты теплоходы и дожи-

Географическое положение Сингапура

вающие свой век ржавые посудины начала века, многотрюмные сухогрузные суда, приземистые танкеры, рыболовецкие траулеры, заходящие сюда по пути в холодные воды Арктики, и разные мелкие суденышки.

Между кораблями, стоящими на рейде, и таможенной пристанью постоянно снуют катера. Вечером вспыхивают тысячи огней в окнах кают, иллюминаторах трюмов, на корабельных мачтах, капитанских мостиках, а сами очертания кораблей тонут в густой тропической ночи. Кажется, что перед тобой не корабли на рейде, а продолжения залитых вечерними огнями многолюдных городских улиц.

Потом я не раз бывал в оживленном сингапурском порту, посетил однажды судно советской научной экспедиции, ходившее в Антарктику с целью изучения морской фауны. Судно стояло на рейде вдали от берега. Мы плыли на быстроходном вельботе мимо гигантских теплоходов и небольших суденышек. Я видел развевающиеся флаги Великобритании, Японии, Соединенных Штатов Америки, Франции, Италии, Дании. Часто попадались клетчато-звездные флаги Панамы и полосатые — африканской республики Либерии. В этих странах пароходные компании облагаются самыми низкими налогами, и поэтому многие судовладельцы США и других капиталистических стран предпочитают, чтобы их суда плавали под панамским или либерийским флагом. Команды на этих судах отличаются особенной пестротой. Здесь встретишь и африканских негров, и латиноамериканских креолов, и индийцев, и китайцев из Сянган (Гонконга), и людей, в которых, наверно, смешалась кровь всех рас и народов. Как капитану или боцману удастся подчинить эту разношерстную, разноязычную публику неким правилам? С помощью своеобразного морского эсперанто, словарный состав которого состоит из отборнейших ругательств всех стран, да нескольких десятков примитивизированных английских слов. Морское эсперанто дополняется не менее выразительным языком жестов, в котором немаловажную роль играет боцманский кулак. Но безраздельная власть капитана и боцмана над всей этой пестрой публикой кончается, как только команда выходит на берег и растекается по узким извилистым улицам торгового района, по лавчонкам, ресторанам и разным злачным заведениям. Здесь матросы

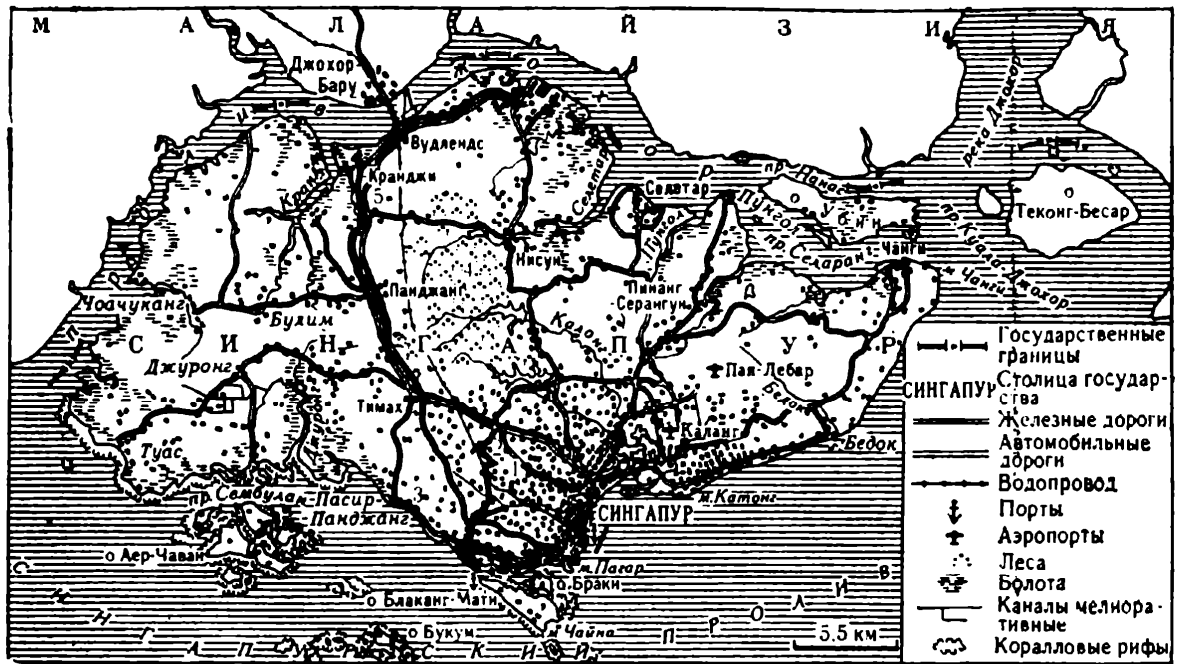
могут позволить себе отвести душу, за один вечер растратить все заработанное за долгое плавание или оставить свои фунты и доллары у первых попавшихся случайных подружек.

* * *

Сингапур очень своеобразен. Этот город-государство с двухмиллионным населением расположен на небольшом острове. Из окна самолета можно обозреть все его границы. Площадь государства составляет всего 581 кв. км. Кроме основного острова — Сингапура в состав маленькой страны входит десятка четыре крохотных прибрежных островков и коралловых рифов, частью необитаемых.

Широкий пролив Джохор отделяет остров Сингапур от Малаккского полуострова, Северный берег пролива — это уже территория соседнего государства Малайзии. Ширина пролива увеличивается к востоку, достигая местами трех и более километров. У восточного выхода он раздваивается на два рукава, между которыми находится низкий и заболоченный остров Убин, принадлежащий Сингапурскому государству. Наиболее широкий из двух рукавов, носящий название пролива Селаранг, разделяет острова Убин и Сингапур. К востоку от восточной оконечности основного острова, в дельте реки Джохор, лежит еще один относительно крупный островок — Теконг Бесар, также входящий в состав сингапурской территории. С материком Сингапур связан широкой дамбой, перекрывающей пролив Джохор в его центральной части. По дамбе проходят железная и шоссейная дороги, связывающие островное государство с малайзийской сетью коммуникаций, а также водопровод. С юга и юго-востока страна омывается водами Сингапурского пролива — естественного продолжения Малаккского пролива, важного морского пути, связывающего порты Индийского океана с портами Восточной Азии, Индонезии, Австралии и тихоокеанского побережья Америки. Значение города Сингапура как одного из самых оживленных портов мира определяется его местоположением у ворот между двумя океанами.

Протяженность основного острова не превышает 35 км в длину — от его западной до восточной оконечно-

Обзорная карта Республики Сингапур

сти и 20 км в ширину — от крайней северной до крайней южной точки. Береговая линия довольно изрезана, образуя кое-где заливы типа эстуариев. Реки коротки и не имеют сколько-нибудь серьезного хозяйственного значения. Самая значительная река Селетар, которая течет в широтном направлении и впадает в пролив Джохор, имеет протяженность всего лишь около 10 км. В черте города находится также река Каланг. Обе эти реки протекают через водохранилища в центральной части острова. Всех водохранилищ на острове три. Они служат искусственными резервуарами питьевой воды, постоянно пополняемыми с помощью водопровода и отчасти за счет естественных дождевых осадков. Реки лишь в низовьях на коротких расстояниях доступны для передвижения на лодках.

Значительную часть главного острова, не менее одной трети его площади, занимает собственно город. А остальное — пригороды, загородные виллы богатей, прибрежные поселения рыболовов, водохранилища, аэродром. Собственно сельских районов в государстве почти нет.

Остров сложен гранитами, песчаниками и кварцами. Он беден полезными ископаемыми. Имеются лишь небольшие месторождения графита и глинистых сланцев. Латеритные почвы здесь малопродуктивны.

Небольшие клочки тропического леса сохранились кое-где в центральной и северной частях острова, на берегу пролива Джохор. Здесь можно встретить заросли бамбука, фикусы и различные характерные для Юго-Восточной Азии породы деревьев, причудливо опутанные лианами. Южная и центральная части заняты небольшими холмами высотой до 200 м. Они встречаются и в пределах города, придавая Сингапуру живописный вид. На севере холмистая местность переходит местами в заболоченную равнину. Кое-где зеленый покров джунглей уничтожен, да и сами холмы скрыты и превращены в рыжие проплешины. Это подготовлены площадки для строительных работ. Антропогенный пейзаж все сильнее подавляет первозданную природу.

Собственно город Сингапур размещается в южной части острова. К его западной окраине примыкает новый промышленный город-спутник Джуронг. Средняя плотность населения Сингапура достигает внушительной цифры — около 3000 человек на квадратный километр. Это одно из самых густонаселенных государств на земле.

Стремительный рост населения Сингапура наблюдался на протяжении нескольких последних десятилетий. Сейчас сами сингапурцы с удивлением вспоминают, что в конце прошлого века значительная часть острова была покрыта джунглями. В дореволюционной географической хрестоматии был опубликован очерк русского путешественника В. Тихомирова, писавшего об экзотическом Сингапуре. «На одной из окраин города в доме, принадлежащем одному англичанину, в половине второго часа дня собаки вдруг подняли во дворе отчаянный вой, привлекая на себя внимание малайца-водоноса, — повествует автор очерка. — Выйдя в кухню, помещавшуюся в нижнем этаже, водонос нашел в ней вместо повара тигра, который преспокойно с большим куском мяса в пасти чинно и важно проследовал мимо него и исчез». Подобные происшествия с тиграми, забирающимися в дома сингапурских обывателей, отошли в область далекой истории.

Хотя сельских районов в прямом смысле этого слова в государстве почти нет, но за городской чертой находится несколько десятков поселений сельского типа. Есть даже плантации каучуконоса-гевеи и кокосовой пальмы. Многие владельцы земельных участков на городской

окраине и за городской чертой выращивают овощи, фруктовые деревья. Однако в сельском хозяйстве Сингапура занят всего 1% самодеятельного населения государства. Продукция этих немногочисленных хозяйств далеко не может удовлетворить потребности огромного города.

После того как 9 августа 1965 года Сингапур вышел из состава Федерации Малайзия и стал самостоятельным государством, он оказался отрезанным от сырьевых и продовольственных ресурсов Малайзии. Сейчас население Сингапура существует в значительной мере за счет привозного продовольствия, поступающего не только из соседних стран — Малайзии и Индонезии, но также из Австралии, КНР и более отдаленных государств, его промышленность работает на привозном сырье и горючем. В свою очередь Малайзия лишилась самого крупного порта и, не располагая своими достаточно мощными портами, вынуждена и сейчас вывозить через Сингапур значительную часть традиционных импортных товаров: олова, каучука, пальмового масла, древесины. После отделения от Малайзии в Сингапуре на первых порах увеличилось число безработных, которые прежде могли отправиться на сезонные работы в Малайзию (на плантации, оловянные рудники, лесоразработки). В настоящее время проблема безработицы, которая носит здесь преимущественно скрытый характер, полностью не исчезла. Однако при наличии этой проблемы Сингапурское государство привлекает из соседней Малайзии неквалифицированную рабочую силу. Здесь трудится до 60 тысяч пришлых чернорабочих-малайцев. Сингапур не располагает даже собственными источниками питьевой воды, она поступает сюда по водопроводу из малайзийского города Джохор-Бару. Все эти особенности определяют своеобразный характер сингапурского государства, ставят перед ним много сложных проблем.

СМЕШЕНИЕ ЭПОХ И СТИЛЕЙ

Сингапур называют городом пестрым, разноликим. И это банальное определение довольно точно передает его своеобразие. Разнолики его внешний архитектурный облик, жизненный уклад, обычаи, культура его населения, этнический состав. Начнем с его облика.

Сингапур город сравнительно молодой. В 1969 году он торжественно праздновал свое столетие. В нем нет памятников средневековья, храмов и крепостей, какими могут похвастать старинные города. Но и полтора сингапурских века оставили несколько характерных исторических напластований.

Правительственный центр города напоминает «добрую старую» Англию викторианской эпохи. На набережную выходит шеренга строгих, не лишенных величественной красоты зданий постройки прошлого века. Среди них выделяется в качестве композиционного центра здание верховного суда с классическим античным портиком и высоким куполом, как у Капитолия в Вашингтоне. Рядом длинный фасад Сити-Холла со строгой колоннадой. В нем размещаются некоторые министерства и канцелярия премьер-министра. С другой стороны здания суда уступом вперед выдвинулся Виктория-Холл. Фасад этого сооружения украшен двумя небольшими портиками с

колоннами, а центральная его часть увенчана тяжело-весной прямоугольной башней с часами. «Наш Большой Бэн», — говорят сингапурцы, проводя аналогию со знаменитыми башенными часами в Лондоне, носящими это имя. Виктория-Холл используется для различных правительственных приемов, а иногда и в качестве концертного зала. Здесь с успехом выступали и советские артисты.

Перед фасадом здания с часами на невысоком постаменте — бронзовая фигура сухопарого англичанина. Это Томас Стэмфорд Раффлз, основатель Сингапура, один из столпов британской колониальной политики начала прошлого века. Это он, захватив с помощью обмана и вероломства небольшой остров в Малаккском проливе, создал здесь опорную базу британского империализма.

...Англичане начали свое проникновение в Юго-Восточную Азию еще в конце XVIII века, сталкиваясь здесь со своим главным колониальным соперником — голландцами, которые значительно раньше закрепились в Малакке и на островах Индонезийского архипелага. Но к тому времени Англия окрепла и смогла занять первое место среди капиталистических держав, обогнав Голландию. И это первенство дало ей возможность успешно теснить других колониальных хищников. В 1786 году английские колонизаторы утвердили свое господство над островом Пинангом, отторгнув его от владений султана Кедаха (у западных берегов Малаккского полуострова). В 1795 году английские вооруженные силы штурмом овладели городом Малаккой, голландской колонией на юго-западе одноименного полуострова.

После французской буржуазной революции Англия и Франция начинают ожесточенную борьбу за Индонезию. В 1811 году британская военная экспедиция разгромила голландские вооруженные силы на Яве. Ловко играя на недовольстве местных феодальных правителей колониальным господством голландцев, англичане смогли утвердить свое господство в Индонезии. Во главе британского управления новой колонией был поставлен тридцатилетний Томас Стэмфорд Раффлз, бывший колониальный чиновник в Пинанге, отличившийся энергией и жестокостью. Он проводил политику в интересах британской буржуазии, вероломно сталкивая местных феодальных правителей, устраняя непокорных и заменяя их послушными марионетками.

В 1816 году честолюбивый Раффлз, не поладив с директорами Британской Ост-Индской компании, недовольными его чрезмерной расточительностью, был отстранен от поста главы колониальной администрации в Индонезии и отозван на родину. После разгрома наполеоновской армии Англия была вынуждена возвратить Индонезию голландским колонизаторам. Вскоре Раффлз появляется в Калькутте и старается убедить генерал-губернатора Индии барона Гастингса в том, что потеря Индонезии не должна привести к ослаблению британских позиций в Юго-Восточной Азии. Необходимо основать на побережье Малаккского пролива новую британскую базу, которая могла бы контролировать важные морские коммуникации, ворота из Индийского океана в Тихий, послужить плацдармом для дальнейшей экспансии. Подобные доводы показались Гастингсу убедительными, и он наделяет предприимчивого Раффлза широкими полномочиями.

Раффлз осмотрел многие острова в районе Малаккского пролива и восточного побережья Суматры и наконец остановил свой выбор на острове Сингапур. В ту пору его территория была малонаселенной и пустынной, покрытой болотами и джунглями, пристанищем диких животных. Малоплодородные красные латеритные почвы не создавали благоприятных условий для рисосеяния. Малочисленное население прибрежных поселений занималось рыболовством, выращивало папайю и кокосовую пальму. Местных жителей — малайцев и китайцев — было немногим более сотни человек. Однако Раффлза привлекло стратегическое положение Сингапура. Остров надежно закрывает восточный вход в Малаккский пролив. Он расположен у южной оконечности Малаккского полуострова. Сингапур, Пинанг и Малакка были тремя заряженными пушечными, нацеленными на слабые малайские княжества, которым уготовлялась судьба превратиться в недалеком будущем в британские протектораты. Наконец, Сингапур обладал всеми условиями для создания первоклассного военного порта. О лучшем опорном пункте в этом районе английские колонизаторы не могли и мечтать. Раффлзу оставалось только действовать.

Внутренние раздоры и феодальная раздробленность в джохорском султанате, в состав которого входил в ту

пору Сингапур, благоприятствовали честолюбивым планам английских колонизаторов. Власть султана Джохора фактически распространялась лишь на некоторые острова, а основная часть страны находилась в руках крупных феодалов. Одному из них принадлежал и остров Сингапур. 28 января 1819 года Раффлз получил у этого феодала разрешение создать здесь факторию и поселение. Дело решила крупная денежная взятка.

Так путем вероломства и подкупа Раффлз приобрел для Британской империи стратегически важную колонию. «Сингапур может стать на Востоке тем, чем является Мальта на Западе», — заявил он.

Раффлз организовал колониальную администрацию Сингапура. До 1823 года остров находился под управлением Ост-Индской компании, считаясь еще формально частью джохорского султаната. Но в этом году под давлением англичан султан передал территорию Сингапура под окончательный британский контроль, а затем признал и полную юридическую власть Англии над островом, получив за эту уступку денежную компенсацию.

В 1826 году Сингапур стал административным центром вновь образованной британской колонии Стрейтс-Сеттльментс, в которую также вошли Пинанг и Малакка. Все эти опорные пункты колонизаторы использовали в качестве плацдармов для дальнейшей экспансии на Малаккском полуострове. Объектом экспансии были слабые малайские феодальные княжества, подпадавшие одно за другим под британский контроль. Для закрепления своего господства над этим районом Юго-Восточной Азии англичане держали в Сингапуре значительные вооруженные силы, создали здесь первоклассную военно-морскую базу. Важное значение приобретал Сингапур и как крупный торговый порт, откуда вывозились каучук и олово Малайи. Население города быстро росло. В конце прошлого века здесь возникла оловоплавильная промышленность, на предприятиях Сингапура переплавлялась оловянная руда, поступавшая из малайских княжеств, Таиланда и других стран Юго-Восточной Азии.

Об этих страницах истории Сингапура, связанных с утверждением британского колониального господства, напоминает бронзовая статуя Томаса Стэмфорда Раффлза. Это был по-своему незаурядный человек, если го-

ворить точнее — незаурядный организатор колониального разбоя. Именно за это власти воздвигли в честь него монументы, а буржуазные историки пели ему хвалебные дифирамбы. В Сингапуре британские колониальные власти поддерживали определенный культ Раффлза. Один из самых фешенебельных отелей города до сих пор носит название «Раффлз-отель». Его имя носит одна из улиц и одна из площадей Сингапура.

Невдалеке от статуи Раффлза можно увидеть другой памятник, напоминающий о страницах истории, не столь славных для англичан. Речь идет о высоком каменном обелиске, установленном в приморском сквере, в память сингапурцев, жертв двух мировых войн.

Первая мировая война непосредственно не затронула Сингапур. Во время второй мировой войны эта важная британская база была театром военных действий. Японские империалисты, заключив сговор с другими фашистскими державами, смогли осуществить планы широких агрессивных захватов в районе Тихого океана и Восточной Азии. В этих планах немаловажное место отводилось захвату такой ключевой позиции, как Сингапур.

После капитуляции Японии англичане восстановили свою колониальную администрацию в Сингапуре и Малайе. Но народы не забывали о жертвах и об ужасах японской оккупации и не хотели больше мириться с каким бы то ни было колониальным господством. И в Сингапуре усилилась борьба за независимость, вынудившая в конце концов англичан уступить требованиям национальных сил.

...Старая приморская часть города — район правительственных учреждений. С северо-восточной стороны к зданию Сити-Холл, в котором разместилась канцелярия премьер-министра, примыкает большой сквер с тенистыми деревьями. В центре сквера — серая мрачноватая громада кафедрального англиканского собора. Над главным порталом возвышается башня, увенчанная остроконечным шпилем. В непосредственной близости от правительственного центра можно встретить еще несколько церквей различных христианских толков: католического, лютеранского, пресвитерианского и прочих. В Сингапур устремлялись миссионеры всех мастей. Придавая большое значение этому стратегически важному пункту, они строили здесь свои храмы и школы.

В ансамбле построек викторианской эпохи как-то совсем затерялось скромное и неприметное здание парламента. Я посетил его, видел старомодный зал заседаний. Сингапурский парламент однопалатный. Депутаты избираются путем всеобщих выборов сроком на пять лет. Все граждане государства, достигшие 21 года, имеют право выбирать и быть избранными. Фактически же в парламент попадают богатые дельцы, видные деятели политических партий, представители буржуазной интеллигенции. До последних выборов большинство мест в парламенте принадлежало Народной партии действия, ведущей и правящей политической партии Сингапура, представляющей интересы местной, преимущественно китайской, буржуазии. В настоящее время эта партия смогла завоевать все парламентские места. На ее характер и политическую ориентацию определенное влияние оказали британские лейбористы и другие западноевропейские течения правосоциалистического толка. До недавнего времени второй по значению политической партией Сингапура была оппозиционная партия — Социалистический фронт. В ней нередко проявлялись анархо-левацкие тенденции, находящие благоприятную почву среди мелкобуржуазных и люмпен-пролетарских деклассированных элементов. В настоящее время эта партия переживает кризис и, как и все другие партии, не играет столь заметной роли в политической жизни Сингапура.

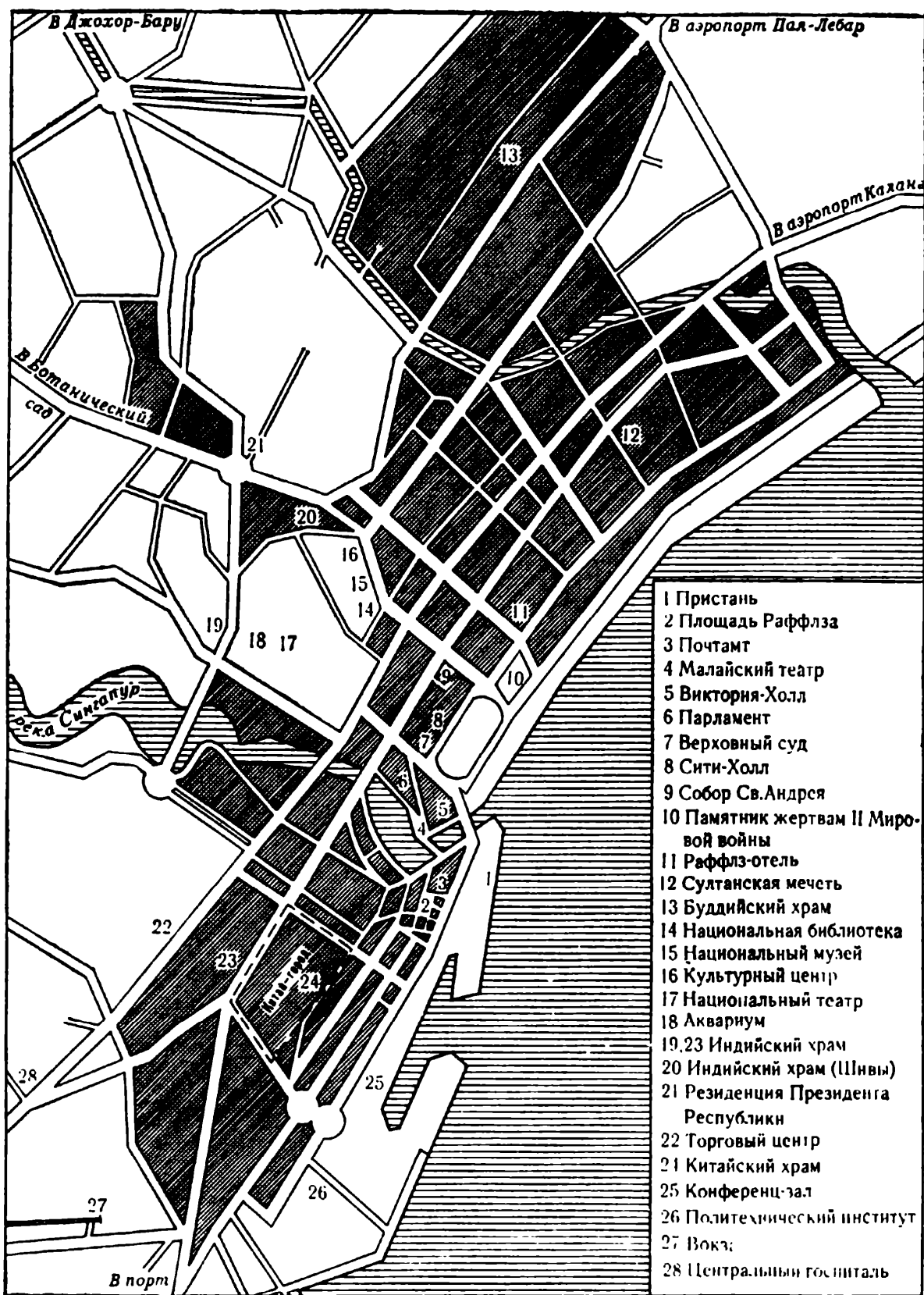
Если мы минуем легкий подвесной мостик для пешеходов, перекинутый через речку, то попадем из правительственного в деловой центр, непосредственно примыкающий к порту. Набережная и примыкающие к ней улицы тесно застроены зданиями прошлого и начала этого века. Сейчас в этот старомодный Сингапур все чаще и чаще вторгаются ультрасовременные здания из бетона и стекла, нарушающие целостность ансамбля. Здесь размещаются банки, судоходные компании, торговые фирмы, главный почтамт, представительства международных авиалиний и еще масса всяких контор, агентств, офисов, местных и иностранных. Банки или фирмы сменяются торговыми рядами, универсальными магазинами. На улицах оживленно до позднего вечера. Когда закрываются учреждения, задвигаются прочными решетчатыми ставнями окна и двери банков, а у подъездов появля-

ются монументальные сторожа-сикхи, похожие на библейских пророков, начинают функционировать ночные клубы и рестораны. Непрерывной вереницей двигаются автомашины всех марок. Особенно велико их скопление на набережной возле таможенного пирса — прямо музей международного автомобилестроения под открытым небом. Длинными шеренгами выстроились маленькие юркие японские «тойоты» и итальянские «фиаты», элегантные западногерманские «мерседесы» и французские «ситроэны», вместительные американские «шевроле» и «бьюики». Все они подобны капризным модницам, меняющим ежегодно фасон платья и прически. Каждый год появляются новые модели машин, отличающиеся от предыдущих хотя бы формой крыльев, числом подфарников, изгибом никелированных реек на бортах. Фирмы изощряются перед конкурентами.

Здесь, в районе пристани, увидишь представителей всех рас и народов; рослых белокурых скандинавов и сухопарых курчавых арабов, темнокожих негров и коренастых японцев, темпераментных латиноамериканцев и сдержанных китайцев. Здесь услышишь все языки и жаргоны мира. Матросы, туристы, приезжие дельцы растекаются по набережной, по узким щелям близлежащих улиц и переулков, по торговым рядам. Иностранца останавливают, а иногда и настойчиво хватают за рукав какие-то разбитные личности, предлагая поменять валюту по черному курсу, купить неприличного характера открытки или драгоценности — вероятно, фальшивые. Магазины и рестораны посылают сюда, на набережную, зазывал-мальчишек, сующих прохожим визитные карточки, рекламы. «Лучший выбор товаров!», «Лучшая в Сингапуре кухня!», «У нас дешевле и лучше!» — читаете вы.

Прямо с набережной можно попасть в крытые торговые ряды, так называемый Малайский базар, прорезающий насквозь весь торговый квартал. Сюда выходят маленькие кафе, магазинчики, торгующие японскими транзисторными приемниками, французской косметикой, китайскими шелками, филателистическими наборами, открытками с видами Сингапура и еще всякой всячиной.

Миная Малайский базар, вы выходите на узкую продолговатую площадь Раффлза. Центр ее превращен в сквер, а под сквером устроен подземный гараж. На площадь выходят фасады банков, фирм, магазинов.

Схематический план города Сингапур

Сворачивая с главных магистралей в лабиринт узких извилистых улочек, вы сразу же попадаете в китайские районы со своим традиционным колоритом, напоминающие кварталы крупных южнокитайских городов. Районы эти невероятно скучены. Тесно жмутся друг к другу дома, разукрашенные пестрыми, разнокалиберными вывесками-иероглифами. Среди них иногда встречаются и вывески-рекламы японских, западноевропейских, американских торговых фирм.

Ближе к порту и набережной дома посolidнее, поопрятнее. Иногда встретишь и громаду из бетона и стекла — здание какой-нибудь фирмы или универмага или фасад кинотеатра, украшенный броской рекламой. Но большинство домов двухэтажные. Первые этажи — длинные вереницы лавчонок, парикмахерских, портновских заведений, дешевых харчевен, выходящих обычно не прямо на улицу, а на крытые галереи. В верхнем этаже, в тесных жилых помещениях, ютятся хозяева. Чем дальше от набережной, от правительственного и делового центра, тем победнее и поскромнее дома и лавчонки.

Кажется, что лавочников в Сингапуре больше, чем покупателей. На пороге лавчонки сидит на корточках сухопарый старик китаец и провожает прохожих унылым взглядом. Не зайдет ли кто-нибудь? В маленьких харчевнях на открытых жаровнях что-то жарится, парится. Стоит плотный кухонный чад. Несутся ароматные запахи жаркого, острые запахи специй. Уму непостижимо, как ухитряются существовать полчища всех этих мелких негоциантов: лавочников, владельцев кафе, ресторанчиков, харчевен, портновских мастерских, парикмахерских и иных заведений. Все-таки как-то существуют, стремясь перещеголять друг друга в уменье завлечь клиента.

Портной сошьет вам за два-три дня отличный костюм. Если вы очень попросите и накинете десяток долларов, сошьет к утру. Будет трудиться всю ночь, но сошьет ради престижа фирмы.

— Окажите и мне маленькую услугу, мистер, — скажет он вам утром, вручая тщательно отутюженную и запакованную в картонный футляр обновку. — Вот вам мои визитные карточки. Раздайте их вашим друзьям, если вы довольны моей работой.

На одной из центральных улиц, рядом с музыкальным магазином «Бетховен», находится магазин меховщика. Некий пенджабец торгует каракулевыми манто, норковыми палантинами, куртками на меху, пыжиковыми шапками.

«Меховщик в Сингапуре... Занятно!» — подумал я и из любопытства зашел к пенджабцу, чтобы порасспросить, успешно ли идет торговля.

— Вас удивляет, что какой-то чужак решил торговать каракулевыми манто в знойном Сингапуре? — сказал торговец. — Когда я решился на этот шаг, я знал, что в городе у меня нет конкурентов. И я подумал также, что Сингапур навещают моряки из Швеции, Канады и других северных стран. Кому-нибудь из них может прийти в голову мысль не пропивать свои кроны или доллары, а купить жене манто. Пока мои дела идут сносно. Думаю даже съездить на ваш пушной аукцион в Ленинград.

Изредка среди китайских лавчонок попадаются и индийские. Индийцы предпочитают торговать тканями, коврами, готовым платьем, галантереей. Раза два-три, когда я попадал в торговые ряды, меня останавливали темнокожие парни и произносили на ломаном русском языке одну и ту же фразу: «Магазин индусский, говорим по-русски!»

Иду однажды по Стэмфорд-роуд, торговой улице, связывающей сквер с кафедральным собором и районом Национального музея. Вдоль улицы тянется торговый ряд с крытой галереей. И вдруг в потоке прохожих слышу русскую речь. Это наши моряки с торговых судов. Редкий день обходится без того, чтобы на рейде Сингапура не бросали якорь два-три советских теплохода.

Из какой-то лавки высовывается полный круглолицый парень-индиец и атакует меня.

— Мистер! Эй, мистер! Русский? Магазин индусский, говорим по-русски!

Не успеваю я опомниться, как проворный малый подскакивает ко мне и протягивает визитную карточку. На ней название фирмы: «Парижский шелк», а под ним по-русски, с чудовищными опечатками, перечисляются товары, которыми торгует фирма.

Из любопытства захожу в лавку. Заведение захудалое. Продают аляповатые, давно вышедшие из моды ковры с библейскими сюжетами, дешевые клеенчатые чемо-

даны, графины с потайными органчиками, залежалый китайский шелк. Хозяева, семейство индийцев, суетятся, словно давно и с нетерпением меня ожидают. Кто-то ставит для меня на стол бутылку кока-колы. Сын хозяина, тот самый, что поймал меня на улице, произносит на относительно сносном русском языке целую речь. Смысл ее примерно таков. Русские и индийцы — друзья. Только по этой причине в магазине «Парижский шелк» говорят на родном языке мистера. Только здесь его хорошо обслуживают. Пусть мистер сам в этом убедится.

После такого вступления все члены семейства, кроме старого главы, восседавшего в углу лавки на высоком табурете подобно восточному божку, бросились разворачивать передо мной рулоны шелка, женские кофточки, капроновые чулки, заставили звучать потайные органчики, скрытые в днищах графинов. Чтобы отделаться от назойливой любезности лавочников, я сказал, что ищу проигрыватель и бархатные портьеры на окна. Уж этих-то товаров, как я успел заметить, не было в магазине.

— Какой марки проигрыватель и какого цвета портьеры хотел бы купить господин? — серьезно спросил меня сам старый хозяин. — У нас этих товаров нет, но они могут быть у соседей. Пусть мистер выпьет еще одну бутылочку кока-колы. А мой сын тем временем добудет все, что нужно.

Я сделал жест, пытаюсь остановить его.

— О, пусть мистер не беспокоится. Это не встанет ему дороже. Это нам выгода. Мы получим от соседа комиссионные за то, что нашли ему покупателя.

— Как-нибудь в другой раз, — сказал я и кое-как угсворил лавочника не искать для меня проигрывателя и портьеры.

— Лучше я куплю у вас вот этот музыкальный графин.

Когда я выходил из магазина с ненужным мне графином, сын хозяина, провожая меня, сунул мне в руки пакетик с разноцветными кусочками тканей.

— Это образцы наших товаров. Пусть мистер передаст это своим друзьям. Быть может, они захотят что-нибудь купить у нас.

Однажды я зашел в парикмахерскую, затерявшуюся где-то среди китайских лавчонок. В очереди два бляхобрысых матроса. Перед зеркалами два мастера стригут

клиентов. За полотняной занавеской возится еще один мастер. Там временами кто-то охает и даже вскрикивает.

Один из мастеров заканчивает стричь мальчишку и жестом приглашает меня.

— Но впереди меня эти джентльмены...

— Они туда, — мастер кивает в сторону занавески.

Проворный парикмахер быстро стрижет меня «под польку», подбривает виски, освежает волосы одеколоном и спрашивает:

— Не пожелает ли мистер выбрать красивый сюжет и пройти через наш салон вслед за джентльменами?

Очевидно, каморка за занавеской носит громкое название салона.

— Не подумайте чего-нибудь плохого. У нас салон художественной татуировки, — говорит мой мастер. — Работа с помощью электрической машинки. Почти безболезненно.

Китаец протягивает мне альбом с сюжетами. Любой первобытный дикарь доисторической эпохи позавидовал бы их разнообразию. Вот сюжет на морскую тему — средневековая бригантина под всеми парусами, переплетенный цепью якорь. Религиозная тема — распятый Христос, Мадонна с младенцем. Сюжеты на любителя — орнамент, красоты, животные. Можно сделать скромную татуировку на руке или во всю грудь, а можно и разукраситься с ног до головы.

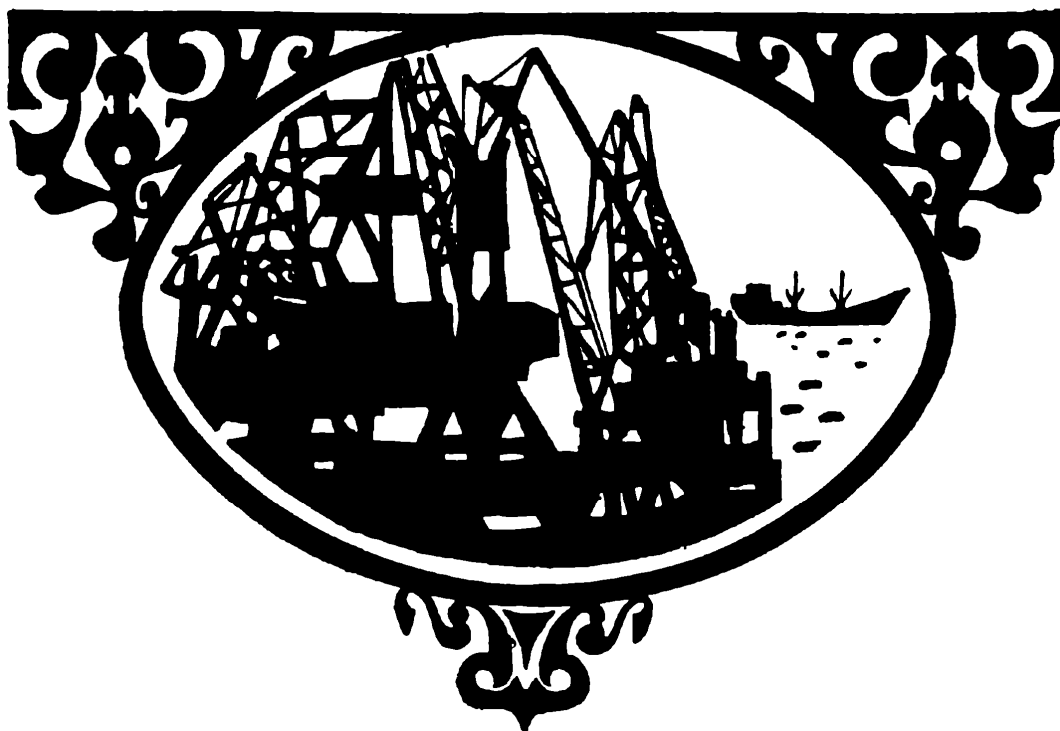
Я полистал альбом и поблагодарил мастера, пообещав зайти как-нибудь в другой раз.

Невдалеке от салона художественной татуировки кабинет врача-косметолога. В витрине реклама: «Здесь выводят татуировку с помощью новейших и безболезненных медицинских средств». Каждый делает бизнес, как умеет.

Китайские торговые кварталы сменяются аристократическими районами. Здесь много зелени. Тихие улочки-аллеи петляют по склонам живописных холмов. Особняки богатых дельцов, директоров фирм, иностранных посольств, окруженные живой изгородью, тонут в густой зелени декоративных пальм, фикусов и магнолий. Садовники тщательно подстригают траву газонов. Но и эти районы застраиваются. На склонах зеленых холмов вырастают доходные жилые дома-небоскребы, отели.

Еще дальше от центра — трущобные окраины, напоминающие окраины любого большого азиатского города. Эти районы здесь принято называть малайским словом «кампунги». После роскошных особняков знати жилища бедняков, выстроенные нередко из простой бамбуковой щепы, выглядят особенно убогими. Жилище простого малайца всегда отличишь от хижины китайца или тамила. Малайцы возводят жилые постройки на традиционный манер — на сваях, а под жильем между сваями держат различный хозяйственный инвентарь, домашних животных. Жители окраинных кампунгов имеют небольшие огороды, фруктовые сады.

Разнолик и контрастен город. Он подобен пестрой мозаике. Разноликость, пестрота усиливается контрастами социальными и национальными. И в торговые и в аристократические районы, если только свернешь с главных улиц, вклиниваются трущобы. Жилья в Сингапуре пока не хватает, хотя государство много делает для развертывания жилищного строительства. В этом отношении Сингапур заметно отличается от других развивающихся стран Азии. Но пока жилищами нередко служат также лодки и баркасы. В них ютятся семьи рыбаков, портовых рабочих. Национальную пестроту Сингапура подчеркивают частокол церковных шпилей, купола мечетей, китайские пагоды и индуистские храмы.

Сингапур космополитичен. Здесь смешались архитектурные стили старого викторианского Лондона, Южного Китая, Малайи. Смешались языки и культуры разных народов. На базарах встречаешь австралийский черный виноград, золотистые малайзийские бананы, овощи с Суматры. Город кормится бирманским и тайландским рисом, одевается в английский и японский текстиль. По улицам снуют «шевроле» и «фиаты». Молодежь побогаче увлекается портативными транзисторными радиоприемниками «сонни» и «грюндиг». Если вы пожелаете приобрести какую-нибудь вещьцу в память о вашем посещении Сингапура, торговец сувенирами предложит вам кружку из малайзийского олова, индонезийскую батиковую ткань, балийскую деревянную статуэтку или покрытую ажурной резьбой вазочку из китайского лака. Что же в Сингапуре своего?

Что в Сингапуре своего? Наши богатства — знойное солнце над головой, свежий морской воздух, немного земли под ногами да наш собственный энтузиазм, — сказал мне господин Лим, богатый делец-китаец, занимающийся экспортными и импортными операциями.

Мы сидели в небольшом открытом ресторанчике на набережной. Лим угощал меня морскими раками це-

обыкновенных размеров и делился своими сокровенными мыслями. Внизу лениво плескалось море. Вдали, в районе порта, пестрели разноцветные неоновые рекламы. На рейде сверкали огнями десятки, сотни теплоходов.

— Солнце, воздух, немного земли и наш энтузиазм, — повторил собеседник. — Эта истина отражает те сложные проблемы, с которыми сталкивается наше государство. Государство, отрезанное от источников сырья, продовольствия.

Лим величественным жестом приподнял стакан с холодным чаем и мысленно чокнулся со мной, словно это был не чай, а коньяк, и начал рассказывать мне об экономике страны. Основной источник национальных доходов Сингапура — реэкспорт, вывоз малайзийского олова и каучука, обслуживание транзитной морской торговли. Источник прибыльный, но зависящий от многих внешних причин. Сингапурцы уже почувствовали это, столкнувшись с резким падением цен на натуральный каучук в результате того, что Соединенные Штаты и некоторые другие западные страны выбросили на мировой рынок по демпинговым ценам свои запасы синтетического каучука. Падение цен на малайзийский каучук больно ударило и по сингапурским экспортерам.

— Как ослабить зависимость от мирового рынка, чтобы не подвергаться воздействию любого неблагоприятного для нас изменения конъюнктуры? Эта проблема не может не волновать нас, — продолжал Лим. — Мы вынуждены задумываться над тем, как обеспечить более надежный и гарантированный источник доходов. Ведь у нас нет ни оловянных, ни бокситовых рудников, ни лесоразработок, ни каучуковых или пальмовых плантаций, которые дают основной доход нашим соседям — Малайзии и Индонезии.

— Разве ваш порт не служит серьезным источником национальных доходов Сингапура?

— Пока служит. И вы можете сами в этом убедиться, — сказал Лим, делая красноречивый жест в сторону кораблей на рейде и расцветенного рекламными огнями порта. — Но давайте немного пофантазируем. Представьте, что, допустим, малазийцы с чьей-нибудь помощью расширили Пинанг, сделали его мощным первоклассным портом, успешно соперничающим с Сингапуром.

— Допустим. И тогда, вы хотите сказать, производители малайзийского каучука и олова перестанут нуждаться в ваших услугах.

— Вы правильно поняли мою мысль. Поток малайзийского экспорта пойдет через Пинанг, наши причалы опустеют. Или другая неприятная для нас перспектива... Таиландцы, прорыв перешеек Кра, строят там канал. В наше время такое сооружение не представит сложных технических проблем. И вот... иностранные корабли находят более короткий путь из Индийского океана в районы Индокитая, Дальнего Востока, а Сингапур остается в стороне от новых коммуникаций. Вы, конечно, знаете, что шумиха вокруг пресловутой проблемы Кра ведется вот уже несколько десятилетий. Пусть это пока лишь спекулятивные рассуждения или абстрактные прожекты. Но кто может поручиться, что в один прекрасный момент прожекты не обернутся реальностью? И это не может не волновать наших государственных руководителей.

— И какой же вы усматриваете выход? — спросил я.

— Какой может быть выход? Единственный выход — индустриализация, развитие собственной национальной промышленности. Элементарная логика и здравый смысл подсказывают, что иного решения мы при всем старании не отыщем. Торговое посредничество — ненадежный залог будущего, когда все страны Юго-Восточной Азии так или иначе стремятся к самостоятельному развитию и рано или поздно прочно встанут на ноги, перестав нуждаться в наших услугах. Мы развиваем индустрию не только для удовлетворения собственных нужд, но и для расширения собственного сингапурского экспорта в соседние аграрные страны. К тому же строительство новых промышленных предприятий отчасти поможет преодолеть проблему безработицы. Эта социальная проблема все еще остается.

Издавна в Сингапур устремлялись тысячи бедняков из Китая, Индии, Шри Ланка, Малайи, Индонезии, надеясь найти здесь работу в порту, доках, на строительстве зданий, в качестве прислуги. Этот поток дешевой рабочей силы стал особенно интенсивным с конца прошлого века, когда сингапурский порт становится одним из оживленнейших портов мира и город застраивается деловыми зданиями, отелями, особняками. Этнический состав Син-

гапура в результате стал весьма пестрым. Основную массу местного рабочего класса составили китайцы. Но среди пролетариата немало малайцев, индонезийцев и выходцев из Индии. Приток иммигрантов все увеличивался, а спрос на рабочую силу был ограниченным. Уже давно в Сингапуре возникла проблема избыточной рабочей силы. Только развитие промышленности поможет сократить безработицу.

— Каковы практические результаты ваших планов индустриализации? — спросил я.

— Мы создали большой промышленный комплекс Джуронг. Это будущее Сингапура. Правда, национального капитала для реализации всего плана не хватает и мы вынуждены широко привлекать иностранные фирмы.

От многих собеседников я знал, что необходимость обращаться за помощью к иностранным монополиям диктуется не только слабостью национального капитала, малочисленностью крупных предпринимателей-сингапурцев. В течение многих десятилетий местный капитал смог завоевать определенные более или менее заметные позиции лишь в сфере торгового посредничества, обслуживая интересы крупных британских фирм. Это наложило свой отпечаток на образ мышления и характер местного буржуа. Он привык сотрудничать с более сильным иностранным предпринимателем, довольствуясь ролью младшего партнера, а не конкурировать с ним. Боязнь подобной конкуренции, страх перед возможным банкротством в неравной конкурентной борьбе заставляют местного буржуа недоверчиво относиться к сфере индустрии. Он скорее предпочитает вложить свой капитал в торговлю, построить отель, но побоится строить фабрику. Было немало противников планов индустриализации Сингапура. Основные возражения основывались на доводах, что Сингапур лишен собственной сырьевой базы и в этих условиях себестоимость местной продукции окажется выше иностранной, что будет трудно конкурировать с высококачественной и дешевой продукцией Японии, Соединенных Штатов, западноевропейских стран как в самом Сингапуре, так и на рынках Юго-Восточной Азии.

Груз старых предрассудков и косности не преодолешь сразу, — сказал Лим. — Все же наши бизнесмены один за другим втягиваются в промышленное строительство. Среди владельцев предприятий, появившихся в

Джуронге, вы встретите наряду с иностранцами и сингапурцев. Правительство осуществляет некоторые поощрительные мероприятия в поддержку национальных предпринимателей.

Продолжая свой рассказ, Лим подчеркнул, что индустриализация — одно из главных, но не единственное средство, с помощью которого молодое государство пытается решать свои сложные социально-экономические проблемы. Большое внимание уделяется также жилищному строительству. Поощряя возведение новых жилых домов и целых районов, правительство преследует цель не только разрешить жилищный кризис, но и занять на стройках определенную часть рабочей силы.

В современном Сингапуре наблюдается небывалый строительный бум. В различных районах города можно увидеть строительные краны, бетонные громады строящихся зданий. Среди них много будущих отелей. Правительство вначале охотно давало лицензии на их сооружение, связывая это с надеждами на привлечение иностранных туристов, что обеспечило бы дополнительный источник валютных поступлений.

Еще во время моих первых поездок в Сингапур устроиться здесь в сносную гостиницу было не так-то легко. Впоследствии это положение изменилось. Открыли свои двери для постояльцев новые большие отели. Готовились к открытию другие. Однако уже на рубеже 60-х и 70-х годов многие отели пустовали. Они вынуждены были публиковать в газетах рекламу, пытаясь привлечь постояльцев необыкновенной кухней, ночным баром с музыкой и танцами и прочим. А что будет, когда вступят в строй еще десятки отелей? Ведь никто не планировал строительство с учетом реального спроса. Действовала лишь слепая стихия капиталистического обогащения. Не так уж много на свете богатых бездельников, готовых ехать из-за океана в далекий Сингапур и оставлять здесь свои фунты, доллары, иены в дорогих отелях и сувенирных лавках. Перед угрозой краха стоят в первую очередь владельцы маленьких гостиниц, пансионатов. Правительство было вынуждено принять решение прекратить дальнейшую выдачу лицензий на возведение новых отелей.

СИНГАПУР СТРОИТСЯ

В разных частях города, преимущественно на его окраинах, можно встретить новостройки. Издали заселенные здания напоминают корабли, расцвеченные флагами всех цветов радуги. Но вблизи убеждаешься, что это балконы и окна оцетинились длинными бамбуковыми шестами с мокрым бельем, вывешенным для просушки. Очевидно, другим каким-либо способом разрешить эту проблему домашние хозяйки не сумели. Поражает страшная скученность новых кварталов. Дома обычно в десять — шестнадцать этажей. Двери квартир, словно гостиничные номера, выходят на общие коридоры-балконы. По ним, а также по лестницам и дворам носятся полчища ребятишек. Крохотные квартиры заселены многодетными семьями. Первые этажи уже приспособлены под различные заведения. Пестрят вывески: «Нотариус», «Адвокат», «Зубной врач», «Дамский салон», «Рекламная фирма». Во дворе выросли ряды лоточников, уличных харчевен.

Поднимаемся на самую верхнюю галерею шестнадцатиэтажного дома. Пропускная способность лифта явно не рассчитана на такое большое число пассажиров. У кабины скопилась длинная очередь.

Перед нами открывается панорама микрорайона. Десятки стандартных уныло-однообразных домов без какой бы то ни было выдумки архитектора. Минимальные затраты, максимальная плотность населения — вот единственные критерии, которыми руководствуются строители. Есть в таком микрорайоне и комплекс необходимых общественных сооружений — школа, магазины, церковь. Церковь, пожалуй, единственное здесь сооружение, отличающееся чем-то оригинальным. Это как бы огромный шатер, сооруженный из камня. Отцы церкви, заботясь о силе эмоционального воздействия на паству, сумели преодолеть довлеющую силу казарменного стандарта. Вероятно, не пожалели для этого и средств.

Жилищным строительством занимается строительный комитет. Это не государственная организация, а частная компания. Во главе ее стоит группа местных дельцов-предпринимателей. И для них строительство — это средство капиталистической наживы. Государство же осуществляет лишь общее планирование, выделяет под застройку землю, не вмешиваясь в деятельность компании.

Я узнал, что осуществление десятилетнего плана жилищного строительства позволит обеспечить новыми квартирами лишь половину тех, кто остро нуждается в жилье. Если при этом учесть, что население государства будет возрастать за счет довольно значительного естественного прироста, то станет очевидной острота жилищной проблемы и в будущем, к концу завершения строительной программы.

Стоимость квартир, поступающих в распродажу, высока. Плата может вноситься сразу или в рассрочку. Чем длительнее рассрочка, тем выше плата.

Конечно, приобрести даже самую маленькую квартиру простому человеку, мелкому служащему, рабочему очень трудно. Бездомный же бедняк, не имеющий постоянного заработка, — а таких в Сингапуре немало — квартиру приобрести вообще не сможет никогда. Строительный комитет — это отнюдь не благотворительное общество, а коммерческое предприятие, для которого бизнес, то бишь нажива, превыше всего.

Обитатели новых домов — это низшие клерки, приказчики, учителя, мелкие лавочники, шоферы такси и тому подобный люд. Обычно семья может выкраивать из своего семейного бюджета, отказывая себе во всем, в луч-

шем случае несколько десятков долларов в месяц. Многие годы придется выкраивать эти доллары, чтобы в конце концов рассчитаться с хозяевами компании и сделаться обладателем крохотной квартиры. Неожиданная потеря работы, болезнь, какие-либо непредвиденные расходы могут привести к тому, что семья не выплатит в срок очередной взнос и тогда строительный комитет порвет контракт с неплатежеспособным клиентом. Попросту говоря, его вышвырнут на улицу.

Чан, китаец лет тридцати двух, один из тех, кому посчастливилось получить квартиру в новом шестнадцатиэтажном доме.

— Пока был жив отец, мы все жили вместе с родителями, — начал он. — Никто из братьев не смел заикнуться о разделе. Вы, очевидно, слышали о конфуцианской морали, основанной на беспрекословном повиновении старшему. Отец был патриархальным человеком, строго следовавшим старым обычаям. Старик хотел, чтобы мы все были при нем, помогали ему в деле. Дело — маленькая бакалейная лавчонка. Место было небожкое, торговля наша шла плохо и еле-еле могла прокормить большую семью. Все мы ютились в двух каморках наверху. У старшего брата были свои дети. Мы с младшим братом спали в лавке на полу... Не думайте, что положение нашей семьи было исключительным. Таких, как мы, много в Сингапуре.

Из дальнейшего рассказа Чана я узнал, что после смерти отца он смог устроиться счетоводом в небольшую торговую фирму и, женившись, решил отказаться от своей доли в семейном деле при условии, если братья помогут ему приобрести квартиру. Братья влезли в долги, но смогли собрать для него только полторы тысячи долларов. Пятьсот долларов дал тесть. Он простой мастеровой, портной, обслуживающий бедняков.

— Итого две тысячи, — грустно подытожил Чан. — Это менее половины той суммы, что стоит наша маленькая квартира. Ежемесячно мы с женой откладываем по пятьдесят долларов, чтобы внести очередной взнос за квартиру. Сумма немалая, почти четверть моей зарплаты. У нас уже двое детей. И все-таки мы надеемся года через четыре полностью рассчитаться со строительным комитетом. У других, хотя бы у моего соседа Яхья, дела куда хуже.

Беседую с Яхья, сухим смуглым малайцем. На вид ему лет сорок, а в действительности меньше.

— Я работаю шофером у одного богатого англичанина из фирмы, — сказал он. — В доме у этого господина работает и моя жена, убирает, стирает. Хозяин разрешил нам жить во флигеле рядом с гаражом. Все было бы хорошо... Но когда Фатима родила четвертого, англичанин стал ворчать. У меня, видите ли, не детский сад. Мы решили обзавестись собственным углом. Куда мы денемся, если англичанин перестанет нуждаться в наших услугах? Выбрали самую маленькую и дешевую квартиру. Ведь у нас нет богатых родственников, которые могли бы помочь. Пришлось продать мой велосипед, серьги жены, еще кое-что. В месяц мы можем выплачивать не более тридцати долларов. А что будет с нами, если появятся еще дети, а жизнь подорожает? Вряд ли мы рассчитаемся с комитетом и за десять лет.

ДЖУРОНГ — ПРОМЫШЛЕННЫЙ ГОРОД-СПУТНИК

Местность Джуронг лежит в юго-западной части острова. Еще десяток лет тому назад это была заболоченная пустынная низина, покрытая мангровыми зарослями. Говорят, что изредка здесь попадались даже крокодилы, легко переплывавшие неширокий Джохорский пролив. Приехав в Джуронг, я забрался на высокий холм, возвышающийся над низменной равниной. Сверху открывался довольно впечатляющий вид. На западе, на побережье моря, вырос небольшой торговый порт, спутник синганурского порта, с причалами и доками. К югу и востоку расстился промышленный комплекс. Фабричные корпуса, построенные по одинаковым типовым проектам, казались сверху аккуратно раскрашенными макетами. Некоторые предприятия еще находились в стадии строительства. На горизонте виднелся жилой городок.

Строительство Джуронга началось в 1961 году. Теперь там находится комплекс из нескольких десятков преимущественно небольших фабрик и заводов. В их числе металлургический завод, два цементных, нефтеочистительный, шинный, кожевенный, по сборке мотороллеров, два трубопрокатных, два кабельных, фабрики фармацевтическая, текстильная, ряд предприятий пище-

вой промышленности. К Джуронгу проведена шоссейная дорога и железнодорожная ветка.

Рядом с джуронгским торговым портом около корпусов металлургического завода валяются груды железного лома. Лом — основное сырье, на котором работает завод. Частично его привозят из соседних стран. Сингапурский металлургический завод — одно из самых крупных предприятий Джуронга. На нем работает около 600 рабочих и служащих. Завод производит катанку, арматурное и круглое железо и мелкий профиль. В прошлые годы 60% продукции завода потреблялись в Сингапуре, а остальная часть экспортировалась в Индонезию, Камбоджу и другие страны Юго-Восточной Азии. В последнее время почти вся продукция находит спрос внутри государства в связи со строительным бумом. Арматурное железо используется для различных железобетонных конструкций.

— Находились скептики, которые говорили, стоит ли строить в Сингапуре собственный металлургический завод, — сказал мне один из руководителей предприятия. — Завод, как видите, оправдал себя.

— Есть ли у вашей фирмы деловые связи с Советским Союзом? — спросил я.

— Да, есть, — услышал я. — Мы закупили в вашей стране чугун и марганец. Ведь нам приходится в значительной мере работать на привозном сырье.

Фактически заработок металлурга близок к низшему пределу, установленному законом, несмотря на крайне тяжелые условия труда у печей и прокатных станов. Многие процессы здесь немеханизированы и выполняются вручную. В этом я смог убедиться, ознакомившись с цехами завода. Лишь мастера и операторы, сидящие за пультом управления, получают немного больше. Но лиц этой категории мало.

Администратор отдал распоряжение одному из служащих показать мне завод.

На предприятии лишь два цеха — плавильный и прокатный. Установлены две сталеплавильные печи производительностью 120 тыс. т стали в год и три прокатных стана. Мы забрались по отвесной металлической лестнице на узкую галерею, опоясывающую корпус. Отсюда можно было видеть раскаленные печи, в которых шла плавка, навалы приготовленного для переплавки желез-

ного лома. Из прокатных станов выползали извивающимися огненными змеями железные прутья разного диаметра. Рабочие подхватывали их вручную с помощью щипцов. Было невыносимо жарко не только у печей и прокатных станов, но и вообще на территории завода. Металлические фермы корпусов, железный лом, штабеля готовой продукции — все это раскалялось под тропическим солнцем. Поэтому не только я, но и мой сопровождающий вздохнули с облегчением, когда после экскурсии по заводу заглянули в закусокную для инженеров и служащих с кондиционированным воздухом и заказали содовой воды со льдом.

После посещения металлургического завода я направился в другую часть Джуронга, на трикотажную фабрику. На одном из перекрестков я увидел женщин-китайок в синих рабочих комбинезонах, прокладывающих новую дорогу. Одни трудились на земляных работах вооружившись кирками и лопатами, другие занимались асфальтированием. Были среди них и пожилые женщины и совсем молодые девушки, вчерашние школьницы. Надо ли говорить, что подобная работа при палящем солнце была бы тяжела и для физически развитого мужчины. Никакой техники, даже ручного катка для утрамбовывания асфальта в распоряжении работниц не было. Зачем она, техника, если людской труд в Сингапуре так дешев?

Трикотажная фабрика принадлежит местному предпринимателю Киму, владеющему еще двумя предприятиями — обувным и швейным.

— Моя фабрика — одна из крупных в Джуронге, — сказал не без гордости Ким. — На ней работает 170 человек. В основном это девушки-китайки.

Предприятие вырабатывает женские трикотажные изделия: платья, кофточки, целые гарнитуры, отличающиеся большим вкусом и разнообразием. Производительность фабрики — до семи тысяч гарнитуров и отдельных предметов в месяц. Многие изделия украшены красивой вышивкой из бисера, аппликациями, составляющими яркие цветы или орнаментальные узоры.

Я выразил свое восхищение искусством трикотажниц и вышивальщиц, настоящих мастериц своего дела.

— Если бы эти девушки не обладали высоким мастерством, фирма прогорела бы, — убежденно сказал

Ким. — 90% всей нашей продукции идет на экспорт. Приходится конкурировать с опытнейшими трикотажными фирмами Японии, Америки, Европы. Мы можем привлечь покупателя только безупречным качеством, необычным колоритом оформления, непохожего на все то, что предлагают японцы или американцы. Наша главная слабость — отсутствие собственного сырья, зависимость от иностранной сырьевой базы. Мы вынуждены импортировать пряжу из других стран — Японии, Франции, Австралии. Это удорожает производство.

На зарплату, которую получает рядовая работница, прожить с семьей в условиях Сингапура невозможно. Местные предприниматели нещадно эксплуатируют рабочий класс, добиваясь минимальных издержек производства.

Рядовой рабочий Сингапура не может похвастаться щедротами своего хозяина. Предприниматель платит рабочему ровно столько, чтобы профсоюз не узрел нарушения законов о труде. Предприниматель, пробиваясь на внешний рынок, сталкивается там с сильными и опытными конкурентами. Как еще удешевить производство на маленькой фабрике, не располагающей серьезной техникой, без собственного сырья? Только за счет рабочего. И рабочий мирится с нищенской зарплатой. Ведь в стране десятки тысяч безработных, и любой из них с радостью согласился бы выполнять ту же самую работу.

Предприниматели, с которыми доводилось беседовать, говорили мне, что правительство оказывает некоторым компаниям поддержку, предоставляя им статус «пионерных предприятий».

«Пионер» — я не раз слышал это слово в деловых кругах Сингапура, встречал его на страницах газет. Вот, например, металлургический завод, на котором я побывал, является предприятием-«пионером». Что означает в данном случае этот термин?

Правительство Сингапура практикует такой вид поощрения предпринимателей, как освобождение компаний или пионерных предприятий от налогов в течение нескольких первых лет с начала пуска фабрики или завода в эксплуатацию. Статус «пионер» предприятие может получить в одном из трех случаев: если оно освоило выпуск новой для сингапурского государства продукции, если его продукция уже выпускается другими предприя-

тиями, но в недостаточном количестве для удовлетворения внутренних потребностей и если оно выпускает изделия, идущие на экспорт. Нетрудно заметить, что эта мера преследует цель поощрять развитие национального экспорта и хотя бы в какой-то мере ослабить зависимость государства от внешнего рынка.

Решает ли Джуронг полностью или частично все острые социально-экономические проблемы Сингапура?

Когда я впервые посетил Джуронг, на его действующих фабриках и заводах было занято шесть с половиной тысяч рабочих. Это почти на сотне предприятий! Следовательно, среднее число рабочих на одном предприятии едва превышало полсотни. Масштабы, конечно, небольшие. Весь Джуронг — это одно наше предприятие среднего размера, даже не индустриальный гигант. Помимо Джуронга строился другой, значительно меньший промышленный комплекс в северной части острова, на берегу Джохорского пролива. Его предприятия будут перерабатывать малайзийскую древесину.

Президент Национального конгресса профсоюзов Сингапура, беседуя со мной, указывал, что число полностью или частично безработных в государстве достигает двухсот тысяч человек. В Сингапуре наблюдается не только прямая, но и скрытая безработица, которая трудно поддается точному учету. Многим молодым людям, заканчивающим школу, не удается найти работу. Они остаются на содержании отца, помогая ему в лавке, конторе, не имея фактически ни профессии, ни определенного рода занятий. Нередко в маленькой лавочке или убогой харчевне, где управился бы и один расторопный парень, хозяйничают старик хозяин с женой, несколько их взрослых сыновей. Разве это не скрытая безработица?

Если мы даже примем за основу наших рассуждений не те цифры, которые называл профсоюзный лидер, а более скромные официальные данные, то станет очевидно, что строительство промышленного комплекса Джуронг, новых жилых массивов, отелей никак не решает проблемы безработицы. Вся эта рабочая сила, которая занята и будет занята в ближайшие годы на новостройках, не сможет перекрывать ежегодного прироста безработных.

В чем причины этого заколдованного круга? Причин много. Это и колониальное наследие, и специфический

характер островного города-государства, и естественный прирост населения (хотя он и не столь велик, как в других странах Азии — не более 1,5—2%). Но дело не только в этом. Сингапур принадлежит к числу тех молодых развивающихся государств, которые наиболее близки к классическому эталону капиталистического общества. Поэтому все социально-экономические начинания здесь осуществляют на капиталистической основе, в интересах в первую очередь господствующего класса буржуазии. Здесь сложилась достаточно сильная местная (почти исключительно китайская) финансовая, торговая и промышленная буржуазия. Но решающие позиции в экономике занимают заморские компании.

Кто истинные хозяева Джуронга? В иллюстрированном буклете, рекламирующем строительство промышленного комплекса, перечисляются все эти хозяева — 67 фирм. И среди них лишь два десятка фирм показаны принадлежащими национальному капиталу. Остальные частично или полностью принадлежат иностранным монополиям: американским, британским, японским, австралийским, тайваньским и иным. Сингапурское законодательство не устанавливает какую-либо обязательную долю участия национального капитала в смешанных предприятиях. Поэтому во многих случаях контрольный пакет акций таких предприятий находится в руках представителей иностранного капитала.

В связи с тем что правительство Сингапура широко привлекает для финансирования промышленности страны иностранный частный капитал, оно установило для инвесторов налоговые льготы и право свободного перевода прибылей. Благоприятный инвестиционный климат, очень дешевая рабочая сила, близость стран, богатых сырьевыми ресурсами, способствовали широкому притоку иностранного капитала.

В конце 1973 года общая сумма этих инвестиций оценивалась в 5,3 млрд. долл.

За последнее десятилетие в Сингапуре произошла существенная переориентация экономики: наряду с ее старыми отраслями — сферой услуг и посреднической торговлей весьма заметную роль стала играть обрабатывающая промышленность.

Иностранные компании создали в Сингапуре предприятия по производству наиболее трудоемких видов де-

талей, полуфабрикатов и готовой продукции. Это главным образом заводы точного машиностроения, электроники, электротехники, оптики.

Так как зарплата рабочих Сингапура в 10 раз ниже зарплаты американских трудящихся и в 5 раз меньше, чем у европейских, то наиболее трудоемкие отрасли хозяйства, производящие более дорогую продукцию, оказались здесь самыми прибыльными.

Иностранные хозяева сингапурских предприятий, руководствуясь стремлением к максимальной наживе, а не национальными интересами страны, стараются извлечь максимальные прибыли при минимальных затратах на рабочую силу. Они строят лишь такие предприятия, которые могут дать полную отдачу сегодня, не задумываясь над их перспективностью и важностью для страны.

В результате страна оказалась во власти стихии капиталистического рынка. Экспортная ориентация промышленности делает ее зависимой от цикличности этого рынка. Новые заводы, будучи по существу цехами того или иного комплекса многонациональных компаний, в случае национализации могут лишиться поставок сырья, полуфабрикатов, оборудования, которые находятся в руках монополий.

Приток на сингапурский рынок огромных денежных средств вызвал в стране процесс инфляции, быстрый рост розничных цен и стоимости жизни. Однако внешне экономика страны переживает подъем. Так, за десятилетие с 1959 по 1969 г. промышленное производство увеличилось в 8 раз, среднегодовой рост валового национального продукта достиг 10%, доля реэкспортных операций с 80% (в 1956 г.) сократилась до 21% (в 1971 г.), зато удельный вес изделий местной промышленности в экспорте увеличился с 16% (в 1967 г.) до 44% (в 1971 г.). Обработывающие отрасли стали ведущими в сингапурской экономике, поэтому в товарообороте относительно уменьшилось значение сырья и резко возросло значение готовых изделий (экспортируемых главным образом в Западную Европу и США). Последнее обстоятельство и делает экономику Сингапура чрезвычайно уязвимой от неблагоприятных условий и конъюнктуры мирового капиталистического рынка¹

¹ Л. Виноградова. Экономика Сингапура. — «Мировая экономика и международные отношения», № 9, 1974.

НАСТУПЛЕНИЕ НА МОРЕ

Господин Лим, знакомый бизнесмен, однажды сказал:

— У нас мало земли. Вся наша страна — небольшой остров. Если мы намереваемся строить фабрику или новый комплекс жилых домов, всегда возникает одна и та же проблема: где найти участок земли. Приходится призывать на помощь всю нашу находчивость. Мы решили отвоевывать землю у моря. Ведут же голландцы в течение многих веков успешное наступление на морские просторы, огораживая дамбами и осушая прибрежное мелководье. Мы избрали другой метод. Засыпаем грунтом мелководные участки.

Об этой же самой проблеме говорили со мной многие сингапурцы, в том числе и видные государственные деятели. Один из них, побывавший в Советском Союзе, давал мне интервью. Мой собеседник тепло вспоминал о встречах с виднейшими деятелями советской культуры, Московском Дворце пионеров, Ленинградском Эрмитаже.

— Что произвело на вас самое большое впечатление? — спросил я.

Стадион в Ленинграде, на берегу моря, — не задумываясь, ответил государственный деятель.

Я был несколько удивлен. Речь шла о стадионе имени Кирова, прекрасном спортивном сооружении, но все-таки не самом современном и величественном среди спортивных сооружений нашей страны. Почему сингапурский гость не отдал предпочтение московским Лужникам?

Мой собеседник пояснил, что его интересовали прежде всего инженерные методы сооружения ленинградского стадиона. Я вспомнил, что стадион этот был построен путем намывки грунта со дна Финского залива на болотистую низину Крестовского острова. Низина затоплялась при малейшем поднятии уровня воды в заливе. Так что, можно сказать, ленинградцы отвоевали свой Кировский стадион у моря.

— Опыт ленинградцев представляет огромный интерес и для нашего государства, — услышал я. — Нам не хватает земли для промышленного и жилищного строительства. Вот мы и ведем наступление на море.

Я решил съездить в юго-восточную прибрежную часть города, где ведутся большие работы по отвоевыванию у моря суши.

Деловые и торговые кварталы сменяются здесь одноэтажными, редко двухэтажными особняками с неизменными верандами. Прочность железных ворот с засовами, высота забора да число сторожевых псов во дворе служат показателем богатства хозяина, своего рода визитной карточкой. Окна особняков закрыты ставнями или решетками. За ними своя скрытая, настороженная жизнь. Оживленными оазисами вклиниваются сюда кварталы лавчонок, базарчики. На рекламе кинотеатра — шеренга женских ног, отвечающих всем требованиям стандарта красоты, и голливудский супермен, не то детектив, не то гангстер с крупнокалиберным кольцом. Это, так сказать, пища духовная обитателей притихших особняков с решетками. Тех обитателей, которые хотят узреть в сингапурском государстве маленький сколок с того мира, о котором повествуют голливудские боевики. В подобном мире есть свои малоприятные для спокойствия обывателя издержки — те же гангстеры. С этим приходится мириться, надеясь на прочность решеток и на лютость цепных псов.

Далее кварталы победнее. Домики мелких служащих, мастеровых с приветливо распахнутыми настежь

окнами, без железных ворот и оград, увенчанных колючей проволокой. Мусульманское кладбище, усыпанное лепестками белых магнолий. На пригорке раззолоченная, словно резная лаковая шкатулка, китайская пагода.

Справа от дороги широкая полоса пустынного пляжа, вспаханная гусеницами трактора. Она тянется километра на два. Это и есть отвоеванная у моря суша. В одном месте на ней копошатся бульдозеры. Задача решается максимально просто при минимальном числе занятых рабочих. Где-то в глубине острова срывают холмы. Стальные челюсти экскаваторов вгрызаются в их склоны, заглатывают грунт и выплевывают его на конвейер. Каучуковая конвейерная лента длиной в несколько километров тянется к побережью. Здесь бульдозеры подхватывают грунт, ссыпающийся с ленты, и разравнивают его. Так постепенно засыпается прибрежное мелководье. В недалеком будущем здесь начнется строительство.

Нельзя представлять себе земельный голод в Сингапуре как явление катастрофическое. Собственно город занимает далеко не всю поверхность острова, а не более трети или даже четверти его территории. Плотность застройки в различных районах города далеко не одинакова. На окраинах много незастроенных пространств, пустырей, покрытых зарослями склонов холмов. В центральной и северной частях острова есть земли, не только не застроенные, но и не возделанные. Так что некоторые резервы полезной земельной площади в Сингапуре имеются. Они могли бы стать еще больше в случае более рационального использования территорий за пределами города. Но определенная часть неиспользованной земли находится в частных руках. Земля в Сингапуре, особенно в городской черте, ценится исключительно дорого. Обычно площадь продаваемых земельных участков исчисляют не гектарами и даже не акрами, а квадратными футами. Предприниматель, желающий приобрести большой участок земли в деловой, торговой или аристократической части города, чтобы возвести отель, доходный жилой дом, здание фирмы или особняк, сталкивается с серьезными трудностями. Если в конце концов земля найдена, покупатель вынужден уплатить за нее баснословную сумму. Именно по этим

причинам правительство Сингапура решило отвоевать у моря полосу суши, которая может быть использована под строительство промышленных предприятий, деловых контор, административных зданий и новых жилых массивов.

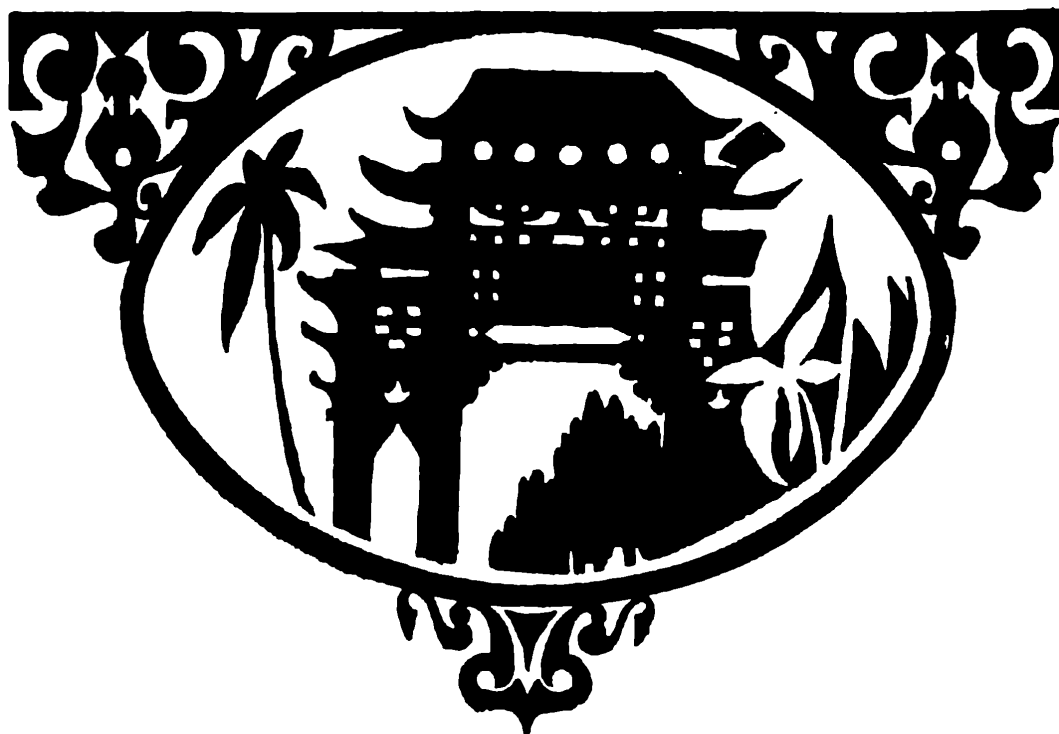
В дощатой конторке-временке один из инженеров демонстрирует карты и схемы проекта, рельефный макет местности.

— То, что вы видели, — это только начало, — говорит он.

Я говорю в качестве комплимента, что сингапурцы хорошо умеют организовывать рекламу своих проектов.

— Что вы... Разве это реклама? — отвечает инженер. — Вот покойные братья Ау умели делать рекламу.

«ПАРК ТИГРОВОГО БАЛЬЗАМА»

Братья Ау Где-то я уже слышал эти имена. Ах, да, есть знаменитый тигровый бальзам братьев Ау. Есть «Парк тигрового бальзама», о котором пишут все туристические издания о Сингапуре. Почему бы не посмотреть его?

Миновав порт, направляемся по приморской магистрали в сторону Джуронга. Проезжаем мимо сингапурского вокзала, некогда оживленного, а теперь притихшего. Граница, разъединившая Сингапур и Малайзию, ослабила и прежние железнодорожные связи с материком. Сворачиваем с магистрали и останавливаемся у ярких ворот, увенчанных крышицами традиционного буддистского храмового стиля. По-китайски и по-английски на воротах написано: «Парк тигрового бальзама», а для наглядности над надписью намалеван полосатый тигр.

История этого увеселительного парка такова. Два местных богатых дельца-китайца, братья Ау Бун-хау и Ау Бун-пар, сделали небезуспешный бизнес на производстве целебной мази. В аптеках всей Юго-Восточной Азии появились баночки с тигром на красочной этикетке. Врачи стали рекомендовать мазь в качестве чудодейственного снадобья от разных болезней: ревма-

тизма, радикулита, простуды. Я мало сведущ в медицине и не берусь судить о полезных свойствах «тигрового бальзама». Но как бы там ни было, снадобье это прочно получило большую популярность. В Сингапуре, Малайзии, Индонезии я встречал баночки с тигром не только в аптеках, но и в хозяйственных лавках и даже у уличных лотошников. Этому заслуженному или раздутому успеху «тигрового бальзама» помогла искусная реклама.

Предприимчивые братья решили поставить дело на широкую ногу и сделать для этого необычную рекламу, да заодно и удовлетворить свое купеческое тщеславие. Незадолго до второй мировой войны они купили на крутом склоне холма, откуда открывается вид на море, участок земли площадью в восемь акров. Покупка обошлась в 300 тыс. местных долларов. По тому времени это была немалая сумма.

По указанию братьев Ау склон расчистили, выровняли террасы. И вскоре здесь появились яркие беседки и арки в стиле традиционных пагод, киоски и ларьки с напитками. Но главной достопримечательностью парка стали искусственные гроты и множество скульптурных композиций. Они воспроизводят сценки из религиозной мифологии, богатейшего китайского фольклора, древних легенд, хроник. Братья преподнесли парк в дар Сингапуру, желая, очевидно, чтобы после их смерти это достопримечательное место стало своего рода семейным мемориалом. Воля экстравагантных дельцов была выполнена. На верхней террасе возвышаются бетонные памятники — тяжеловесные, неуклюжие цилиндры. Их украшают портреты покойных, самодовольные упитанные лица взбалмошных богатеев.

Трудно сказать об общем впечатлении, которое производят скульптурные композиции «Парка тигрового бальзама». Они скорее подавляют, чем восхищают, а порой вызывают гнетущее чувство. Подавляют не только огромным числом персонажей, аляповатой пестротой, не свойственной подлинному традиционному искусству китайского народа, но и какой-то патологической извращенностью, грубым натурализмом, жестокостью многих сцен.

Многие, если не большинство скульптурных композиций «Парка тигрового бальзама» навеяны религиозными

мифами китайцев, их религиозно-этическими представлениями и принципами. В «Парке» мы видим конкретных представителей гигантского пантеона синкретизированной религиозной системы, сочетающей буддизм, конфуцианство и даосизм, персонажей древних легенд, обожествленных героев, сценки из жизни обитателей загробного мира. Характерна здесь пестрота композиций, отсутствие единого ансамбля. Не отражает ли это характерные особенности эклектичной до беспринципности системы, впитавшей столь различные элементы от рационалистических догм конфуцианской философии до примитивных магических обрядов и суеверий даосизма.

Невозможно в кратком очерке рассказать обо всех сценках и персонажах, представленных в «Парке». Вот сложные скульптурные композиции, навеянные древней легендой. Содержание ее таково: «Один молодой человек, по имени Хсю Сян, подобрал на дороге двух маленьких змеек, белую и зеленую. Он принес их домой и ухаживал за ними, а когда змейки подросли, отпустил. На самом деле змейки были фантастическими существами, наделенными большой магической силой, изгнанными с небес за злые дела. Они решили отблагодарить молодого человека за его доброту и превратились в красивых девушек. Та, что была белой змейкой, стала его женой, а другая — служанкой. Случилось так, что Хсю Сян встретился с верховным монахом Пагоды золотого холма, расположенной на берегу реки Янцзы. Монах понял, что молодой человек находится во власти дьяволов, и увел его для спасения в свою пагоду. Белая змейка, принявшая в человеческом облике имя Пей Су-чен, любила своего мужа и решила во что бы то ни стало вырвать его из-под влияния монаха и вернуть домой. Она заручилась поддержкой могущественного бога реки и упростила последнего вызвать грозное наводнение. Но разбушевавшиеся волны никак не могли захлестнуть пагоду. Ее верховный монах также обладал удивительным могуществом. В результате наводнения, вызванного по воле Пей Су-чен, погибли тысячи ни в чем не повинных людей. Боги наказали ее за жестокость, заточив в башню одной из пагод.

У пленницы остался сын Хсю Менг-чао. Став взрослым и успешно выдержав государственные экзамены, дающие право войти в круг избранных ученых чиновни-

ков, он узнает о судьбе матери и отправляется к пагоде, где была заточена пленница. Он усердно молит богов о ее прощении. Боги вняли молитвам. Рухнули стены башни-темницы, и Пей Су-чен вознеслась на небо».

Эта старинная легенда и нашла свое отражение в наглядных сценках. В одной из них мы видим бушующие волны реки Янцзы у подножия Пагоды золотого холма, тонущих людей, коварную Пей Су-чен и верховного монаха пагоды, останавливающего напор волн с помощью своей волшебной одежды. В другой сценке Хсю Менг-чао, сын героини легенды, молится перед башней пагоды, в которой заключена его мать. Молитва уже услышана богами. Башня надломилась и готова рухнуть. В проломе показывается пленница. Сейчас она вознесется на небо.

В чем морализующий смысл этих композиций? Чти своих предков, какие бы дела они ни совершали, добрые или дурные. Не твое право быть их судьей. Молись усердно богам за себя, родителей, предков, и боги услышат твои молитвы.

Один из самых популярных персонажей китайского пантеона — Амиитаба, Будда Запада, обитающий в «Западном рае» вместе с богами и бессмертными праведниками. Вот он, тучный, благодушно улыбающийся великан с большим животом, подобный бесформенной глыбе. Каждый человек стремился попасть в рай и оказаться рядом с Амиитабой.

А что ждет того, кто не достоин лучшей участи? Посетитель парка может увидеть это наглядно. Корчатся в муках грешники, льется рекой кровь, саркастически улыбаются дьяволы. Мир реальный, земной подавлен здесь миром больной фантазии, кошмарными образами мира потустороннего. Перед скульпторами, очевидно, ставилась задача показать тщетность и суетность земной жизни, напомнить о соблазнах, подстерегающих человека на каждом шагу, о страшных карах, ожидающих грешника.

В стороне от этих кошмаров стоит Конфуций, отрешенный от всего земного, погруженный в философские размышления. На зеленой лужайке фигуры трех старцев — богов процветания, плодородия и долголетия. Далее мы видим истории из жизни знаменитых буддистских монахов, паломников, героев исторических хроник.

День не был воскресным. Тем не менее в парке было много посетителей — местных, преимущественно молодежи, и иностранцев. Мне встретились две пожилые американки с фотокамерами. Вслед за ними в толпе показался некто длинноволосый, неопределенного возраста и столь же неопределенной национальности, в длинной сермяжной рубахе и стоптанных сандалиях на босу ногу. Через его плечо была перекинута полотняная сумка. Субъект этот напоминал иконописного Христа. Его сопровождал прилично одетый тамил, дававший объяснения и державшийся со своим спутником подчеркнуто почтительно. Мальчишки указывали на субъекта пальцем и, причмокивая от удивления, кричали вслед:

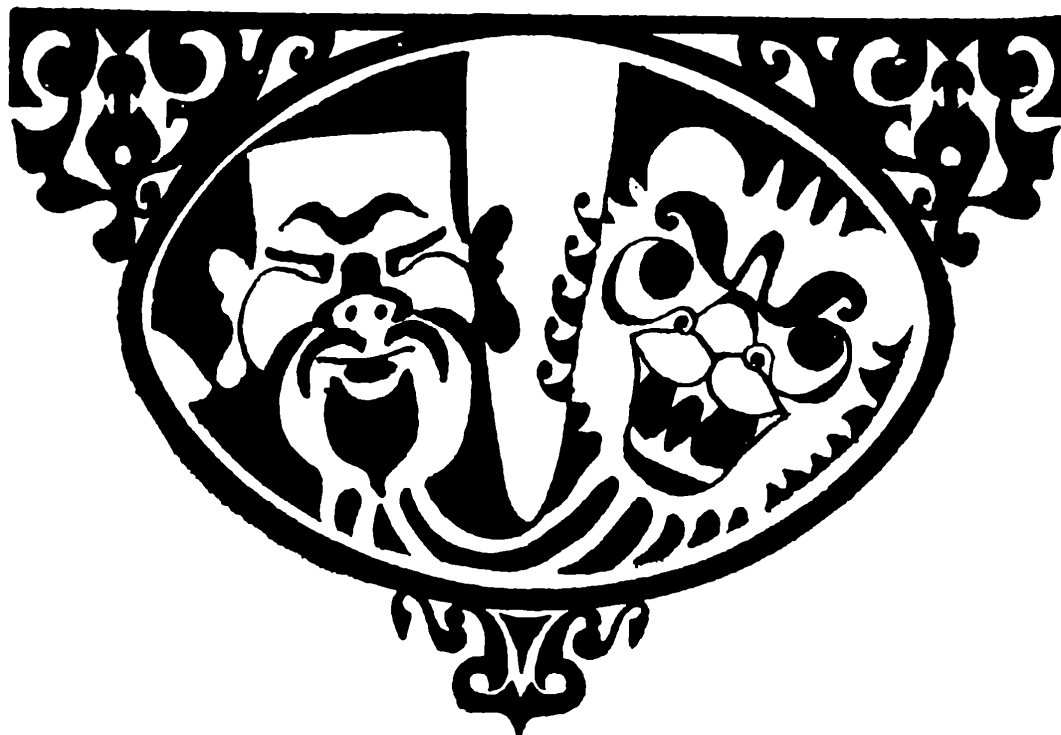
— Христос!

Я так и не узнал, кто это мог быть — экстравагантный богач, увлекающийся системой йогов, или представитель религиозной секты.

Маленькая нищенка подходила к иностранцам и протягивала цветок белого жасмина в надежде получить монетку. Парень-художник срисовывал в альбом фигуру Конфуция.

С тяжеловесных бетонных колонн самодовольно улыбались братья Ау. Вряд ли они были теми светлыми праведниками, которые могли бы беспрепятственно миновать горбатый мост в потустороннем мире, если бы этот потусторонний мир был реальностью, а не фантазией. Не веря ни в бога, ни в черта, поклоняясь только одному золотому мешку, экстравагантные дельцы поразили соотечественников из ряда вон выходящей рекламой, а заодно назидали: не грешни против власть имущих, бойся бога. Было в этом странном, калейдоскопическом и пестром, словно мозаика, нагромождении фигур нечто символическое. Реклама и ханжеская мораль, купеческая широта натуры и болезненно извращенная жажда бессмертия, воплощенного хотя бы в тяжесть бетона, традиционный арсенал средств эмоционального воздействия и запугивания, изобретательность, озорство и тулая ограниченность лавочника — все это сливалось здесь в единый многогранный образ. И имя ему было — капиталистический бизнес, бизнес, так сказать, в его восточном варианте. Несколько старомодный, преувеличенно-гротескный, еще не вполне подверженный духу нашего времени,

РАЗНОЯЗЫЧНЫЙ СИНГАПУР

В августе 1969 года сингапурцы праздновали сто пятьдесят лет со дня основания города. Сингапур был украшен большими транспарантами с государственным гербом, национальными флагами. На гербе изображены лев и тигр, поддерживающие щит с пятью звездами и полумесяцем. Под щитом надпись: «Пусть развивается Сингапур!» Те же пять звезд с полумесяцем и на красно-белом государственном флаге.

Я попросил знакомого парламентского чиновника объяснить мне значение всех этих эмблем.

— Красный цвет на нашем знамени означает всеобщее братство и равенство людей, белый цвет символизирует вечную чистоту и добродетель. Полумесяц олицетворяет развивающуюся страну на ее начальном этапе. Мы подобны этому полумесяцу, который будет набирать силы, расти, пока не достигнет стадии полнолуния. Пять звезд — пять принципов или, вернее, пять задач, к решению которых мы стремимся в нашем развитии; это демократия, мир, прогресс, справедливость и равенство.

Простые сингапурцы, не постигшие всех премудростей восточной символики, дают более простое, бесхитрое объяснение.

— В нашей маленькой стране живут разные национальности. И об этом напоминает герб и флаг Сингапура, — сказал мне шофер такси. — Полумесяц — это знак мусульман-малайцев, пять звезд — символ многонационального многорасового общества.

Я не раз слышал подобное толкование, отражающее стремление видеть в государственных эмблемах залог равноправия основных этнических единиц этого небольшого островного государства.

В день столетия города состоялась яркая многолюдная демонстрация. Мимо празднично разукрашенного правительственного здания Сити-холл, на галерее которого находились государственные руководители Сингапура и члены дипломатического корпуса, проходили колонны молодежи в национальных костюмах, школьники и студенты. Здесь же, на асфальте набережной, они исполняли акробатические номера, народные танцы, театрализованные представления. Юноши-китайцы обрядились в традиционных персонажей старинных китайских легенд. Шагали какие-то рыжеволосые косматые чудовища, отдаленно напоминающие львов. За ними ползли, извиваясь, бумажные чучела драконов с клыкастой пастью. Разыгрывалось популярное зрелище — борьба с драконом. Чудовище, разевая пасть, пыталось проглотить желтый бумажный шар, привязанный к концу длинной палки, которую нес один из участников представления. Шар изображал небесное светило, солнце или луну. Светило попадало в пасть дракона. Другие участники вступали в бой с чудовищем, стараясь оглушить его грохотом гонгов. В конце концов дракон выпускал из пасти свою жертву и оказывался побежденным.

Вслед за китайской молодежью шествуют малайцы в своих национальных нарядах. Парни в узких брюках, яркой рубахе и коротком саронге — куске ткани, обернутом вокруг пояса и бедер. На голове у них замысловатая повязка-тюбан из красного головного платка, в руках деревянная колотушка, какой обычно обмолачивают рис. Девушки в длинном, почти до земли саронге и белой, до колен свободного покроя кофте. В качестве головного убора — остроконечные крестьянские шляпы из соломы. Они несут плоские корзинки. Молодые малайцы заканчивают свое шествие исполнением

массового народного танца, имитирующего обмолот риса. Колотушки и корзинки — непременные атрибуты такого танца.

Малайцев сменяют темнокожие тамилы. Девушки-тамилки в голубых сари, подчеркивающих изящество их стройных фигурок.

В Сингапуре, как и в соседней Федерации Малайзии, можно наблюдать интересные сочетания культур различных народов, процессы их взаимного влияния и обогащения. Для искусствоведов-исследователей Республика Сингапур ценна как своего рода заповедный островок, где сохраняются и соседствуют многие виды традиционного китайского, малайского, индийского искусства. Здесь трудится немало весьма талантливых художников, резчиков по дереву, камню и лаку, чеканщиков, следующих старым художественным традициям. В антикварных лавках, напоминающих музеи, встретишь свитки-полотнища с выразительным сюжетом и затейливой вязью иероглифов, передающих мудрые изречения древних философов. Хороши изящные вазочки и шкатулки, покрытые лаком. На рельефной поверхности лака воспроизведены фрагменты природы, орнамент, а иногда и целые пейзажи. Обычно в таких изделиях, отличающихся строгой сдержанностью, преобладает красный и черный цвета. Не могут не восхищать и изделия из нефрита и других ценных пород камня или металлические предметы, покрытые цветной эмалью.

В Сингапуре нет постоянных профессиональных театральных коллективов. Однако существует много любительских молодежных трупп, школьных и студенческих. Китайские труппы обращаются к традиционным сюжетам и жанрам, драматическим и оперным, неизменно привлекая массы зрителей. В спектаклях увидишь традиционные маски и костюмы героев старинных легенд, подчеркнута условную манеру игры, бесконечно далекую от современного реализма, массу сценических условностей, недоступных пониманию непосвященного. Но таков возникший в глубокой древности китайский театр с его специфическими канонами, аляповатыми масками, вычурными костюмами. Искушенный зритель, привыкший к традиционному, знающий смысл той или иной условности, увлечен представлением и судьбой легендарных персонажей, как увлекаемся мы классическим бале-

том с его канонами и условностями, которые покажутся непосвященному такими же странными и далекими от жизненной правды.

У малайцев и индийцев свои национальные культурные традиции, свои танцы, театрализованные представления, художественные ремесла. Одно из излюбленных зрелищ малайцев — театр плоскостных тростевых кукол «ваянг-кулит», управляемых с помощью костяных рычажков. Иногда этот театр не совсем точно называют теневым. Чаще куклы демонстрируются в вечернее или ночное время позади полупрозрачного полотняного экрана, подсвеченного лампой, и тогда зритель видит лишь смутные силуэты персонажей. Это большей частью герои древних эпических поэм, насыщенных удивительными приключениями, отважные витязи, полубоги-полулюди, сражающиеся со страшными демонами-великанами. Каждая плоскостная кукла, вырезанная из кожи и раскрашенная, имеет строго индивидуализированные черты, соответствующие характеру того или иного персонажа. Если куклы демонстрируются без экрана, то зритель может видеть всю их яркую раскраску. Ваянг-кулит особенно распространен в соседней Индонезии, имеющей много общих черт культуры с другими странами Юго-Восточной Азии.

У местных индийцев Сингапура и Малайзии весьма любопытен ритуальный обряд самоистязания, перенесенный на почву Юго-Восточной Азии из Южной Индии. Индийские религиозные празднества, во время которых фанатики занимаются самоистязанием, привлекают толпы любопытных зевак. Обряды самоистязания распространены в шиваистском толке индуизма. Они приурочиваются к большим храмовым праздникам, посвященным Шиве и некоторым другим богам индуистского пантеона.

О многонациональной культуре Сингапура дает довольно полное представление Национальный музей. Он был основан еще в середине прошлого века, а в конце 80-х годов разместился в нынешнем белом здании, увенчанном приземистым куполом ротонды, хорошо вписывающимся в общий ансамбль старого викторианского Сингапура.

В музее хорошо представлены история, культура, этнография Сингапура и соседних стран Юго-Восточной Азии. Здесь можно увидеть модели небольших быстро-

ходных парусников, на каких еще в глубокой древности индийские и китайские мореходы плавали к берегам Малаккского полуострова, Явы, Суматры, Индокитая. Культурные связи с Китаем и особенно Индией наложили свой отпечаток на развитие средневековых государств Юго-Восточной Азии. Из Индии были заимствованы религиозные культы — индуизм и буддизм, вытесненные позже на Малаккском полуострове и в основных районах Индонезии исламом. Культура современного Сингапура, как и всей Юго-Восточной Азии, — это сложный синтез многих культурных влияний, напластований различных культур. Среди экспонатов музея интересны коллекции малайских и индонезийских волнообразных кинжалов-крисов, узорчатых тканей-батиков, расписанных ручным способом, китайского фарфора и фаянса, старинной бронзы, образцы парадной резной мебели из дома богатого китайца, предметы индийского прикладного искусства и многое другое.

Сложность этнической структуры государства ставит перед правительством молодой республики свои специфические задачи. Как можно сформулировать основные задачи национальной политики государства? Сами государственные деятели и официальные правительственные издания дают на этот вопрос следующий, достаточно четко сформулированный ответ. Правительство стремится к консолидации населения острова, которое состоит из разноязычных этнических элементов.

Сингапурское общество составляют выходцы из Китая, Малайзии, Индонезии, Индии. У каждой национальной группы своя культура, язык, обычаи, традиции, верования. Сплотить китайцев, малайцев, тамилы и прочих в единую нацию, не подавляя при этом их национального своеобразия, — задача в условиях капиталистического общества не из легких. Она также требует времени, терпения и такта, а главное — определенных социальных условий. Столь же сложна и задача создать единую национальную культуру, не подавляя культур отдельных этносов, даже решить проблему общенационального языка.

В сингапурском государстве нет твердо установившегося единого национального языка. Официально признаются равноправными китайский, малайский, тамильский и английский языки. Малайский сравнительно лег-

ко усваивается малообразованными слоями населения и становится для них средством общения. Вам не составит труда объясниться по-малайски с шофером, мелким лавочником, рабочим, к какой бы национальности он ни принадлежал. Английский язык по традиции служит средством общения для более или менее образованных людей, правительственных служащих, бытует в учреждениях.

В любом государственном ведомстве, банке, фирме можно было вполне обойтись английским языком, хотя везде подавляющее большинство служащих составляют местные китайцы. Парадоксально, но факт — нередко они предпочитают английский китайскому. Весь секрет в том, что местное китайское большинство — это выходцы или, точнее, потомки выходцев из различных провинций Китая, говорящие на различных диалектах, иногда весьма далеких друг от друга, и, следовательно, не имеющие единого языка. Поэтому даже китайская часть населения не представляет монолитного этнического целого.

Правительство Сингапура считается с национальными традициями населения. Дети любой из основных национальностей могут учиться на своем родном языке. Среди местных школ есть китайские, английские, малайские, тамильские. За годы независимости значительно возросла сеть учебных заведений. В настоящее время почти каждый четвертый житель страны учится. По уровню развития образования Сингапур выгодно отличается от других стран Юго-Восточной Азии. Сингапурские школы производят благоприятное впечатление своими светлыми удобными помещениями, неплохим оборудованием, четкой организованностью.

В Сингапуре существует система так называемых интегрированных школ. Эта система рассматривается как одно из средств сплочения этнически пестрого населения в единую нацию, формирования общенациональной культуры.

От обычных школ интегрированные отличаются тем, что в них введено обязательное обучение не одного, а двух или даже трех местных языков. Есть школы с одновременным обучением на английском и китайском. Другие варианты предусматривают английский и малайский либо английский, китайский и малайский.

Обычно в условиях Сингапура такая система не создаст больших трудностей для школьников. Первый и третий вариант выбирают, как правило, дети китайцев, второй — дети малайцев.

Сингапур пестр и этнически многолик. Однако китайцы составляют три четверти его населения, занимая ключевые позиции в экономике страны. И во внешнем облике города, прикрытом викторианским фасадом набережной, преобладает китайский стиль. Другими крупными этническими группами являются малайцы (12%), выходцы из Индии, Пакистана, Шри Ланка (7%) и представители других национальностей.

— Мы не поддерживаем официальных отношений ни с Пекином, ни с чанкайшистским Тайванем. Тайваньский режим не имеет ни серьезного международного веса, ни будущего, — рассказывал мне бизнесмен Лим. — О возможностях расширения прямых связей с КНР сейчас говорят все чаще. К Китаю наше отношение более сложное. Это прежде всего страна наших предков, нашей культуры, всегда привлекающая внимание, возбуждающая интерес. Человек, подобный мне, мог не всегда одобрять систему и политику Пекина, не разделять идеи его руководителей, но он всегда радовался успехам Китая, огорчался его неудачами. Бизнес есть бизнес. Ради удачного бизнеса коммерсант будет иметь дело с кем угодно. В последние годы наши торговые связи с Китаем растут. Мы импортируем много китайских промышленных товаров широкого потребления. Вы убедитесь в этом, если побываете в импортиумах.

Я побывал в нескольких универмагах, которые здесь называют китайскими импортиумами. Все они находятся в оживленных деловых районах, на важных городских магистралях. Всего в Сингапуре имеется свыше десятка таких центров, составляющих несколько корпораций.

Импортиумы примечательны тем, что торгуют почти исключительно промышленными изделиями Китайской Народной Республики. Здесь можно купить готовое платье, ткани, галантерею, детские игрушки, канцелярские товары, вина, предметы прикладного искусства, ювелирные изделия и т. п. За них можно расплачиваться местными или американскими долларами. Кассир предпо-

читает брать американские. Покупателя обслуживают вышколенные девушки-продавщицы в алой униформе. В основной своей массе товары уступают по уровню добротности английским, американским, японским. Но среднего покупателя привлекает их относительная дешевизна и привычный традиционный китайский стиль. Платье, отрез или чайный сервиз обойдется здесь по меньшей мере на двадцать—тридцать процентов дешевле, чем в других магазинах Сингапура. А кое-что из дешевой галантереи купишь здесь и за полцены.

Однажды я стал свидетелем еще такой хитроумной системы привлечения покупателя. В одном из импортируемых, что возле кинотеатра «Лидо», я купил чемодан и несколько традиционных безделушек в качестве сувениров для моих друзей, заплатив за все, кажется, долларов тридцать. Кассирша, приняв от меня деньги, выдала мне чек на товар и еще какой-то цветной талончик. Когда я попросил объяснить, что это такое, кассирша-китаянка ответила, что это своего рода премия покупателю, заплатившему за покупки достаточно крупную сумму. По этому талончику я могу что-нибудь выбрать в специальном отделе у выхода из магазина. Здесь я увидел всякие дешевые безделушки, статуэтки, значки, мелкую галантерею. По-видимому, сюда выбросили товары, не пользующиеся спросом. Я смог выбрать на мой талончик махровое полотенце — все-таки полезная вещь. Продавщица, протягивая мне неожиданное приобретение, продемонстрировала отработанную улыбку и сказала:

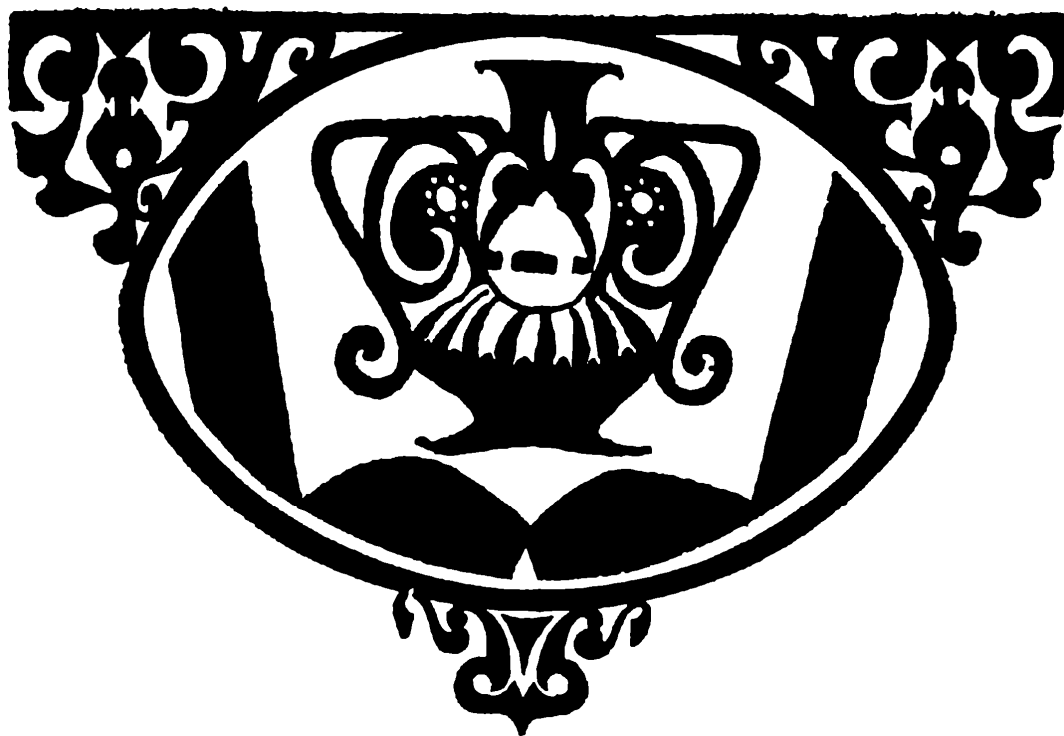
— Мы надеемся, что господин, получивший такую премию, непременно захочет еще раз посетить наш магазин.

Создание китайских импортируемых, торгующих преимущественно товарами из КНР, преследовало цель не только экономического проникновения на сингапурский рынок, но и создания определенной опоры среди местной китайской буржуазии.

Одна из моих поездок в Сингапур совпала по времени с днем национального праздника Китайской Народной Республики. Здание единственного в то время официального учреждения КНР, отделения китайского банка («Бэнк оф Чайна»), было разукрашено красными пятизвездными флагами. На ступенях лестницы у подъ-

езда, на тротуарах вдоль стен длинными шеренгами выстроились корзины с цветами, сотни корзин с поздравительными надписями. Было в этом нечто вызывающе-демонстративное. Говорили, что главное участие в подобном цветочном параде принимали акционеры импортируемых.

Многоязычный состав сингапурского государства находит свое отражение и в характере местной печати. Здесь выпускаются газеты и журналы на всех распространенных в Сингапуре языках: английском, китайском, малайском, тамильском. Самая крупная и влиятельная из газет — «Стрэйтс таймс» на английском языке, издающаяся в течение многих десятилетий. Основные органы печати связаны с деловым миром, уделяя главное внимание экономическому развитию государства, конъюнктуре внутреннего и международного рынков. Значительную часть газетных полос занимают коммерческие рекламы, составляющие один из главных, если не основной источник дохода издателей. Многоязычие характерно даже для профсоюзной прессы. Если та или иная общественная организация не в состоянии выпускать самостоятельные издания на каждом из распространенных в Сингапуре языках, то создаются бюллетени, брошюры, содержащие разделы или полосы, отпечатанные на нескольких языках.

Перед зданием Виктория-холл толпилась молодежь в необычных нарядах. Юноши и девушки были облачены в одинаковые длинные мантии из черного шелка и высокие бескозырки с квадратным верхом. В некоторых западных странах так одеваются в торжественных случаях профессор и судья. Каждый из молодых людей бережно держал в руках свиток — какой-то свернутый в трубку и скрепленный печатью документ.

Только что закончилась торжественная церемония вручения дипломов магистров выпускникам местного Наньянгского университета. Обладатели дипломов могли облачиться в этот средневековый традиционный костюм, заимствованный у англичан. Каждого виновника торжества окружала кучка родных и друзей. В толпе шныряли бойкие фотографы. Для них это был удачный день. Каждый повоевавший магистр хотел сфотографироваться в этот торжественный день в полном облачении ученого, в кругу своих близких.

В Сингапуре два университета — государственный Сингапурский и Наньянгский. Кроме того, имеются политехнический институт и два учительских колледжа, средние специальные школы типа техникумов. Все эти учебные заведения ежегодно выпускают сотни дипло-

мированных специалистов разных профилей. И перед многими из них, как и перед большинством выпускников средних школ, встает трудноразрешимая проблема трудоустройства.

Вечером в подвальчик моего отеля, где я обычно ужинал, зашла компания молодых китайцев. Оказалось, что двое были выпускниками Наньянгского университета, получившими утром дипломы магистров на торжественной церемонии в Виктория-холл. Они решили отметить это событие скромным ужином, пригласив друзей. С одним из виновников торжества, по имени Лю, я разговорился. Лю рассказал, что получил диплом юриста.

— В какой области юридической деятельности вы станете работать: в суде, прокуратуре?

— Если бы это зависело от меня... — сказал мой собеседник. — У меня нет богатых родственников, которые могли бы дать место юрисконсульта в своей фирме или помочь открыть собственную адвокатскую или нотариальную контору.

— В Сингапуре слишком много адвокатов и нотариусов, — грустно сказал его товарищ, тоже юрист. — Чтобы стать человеком их круга, нужны связи, средства, реклама. Мы в лучшем случае можем рассчитывать на место переписчика бумаг в какой-нибудь частной конторе.

— Разве государство не гарантирует выпускникам университетов работу?

— Как правило, нет, — ответил Лю. — Обычно каждый устраивается как сумеет.

— Вероятно, в лучшем положении оказываются инженеры, — высказал я предположение. — Я видел Джуронг с десятками новых предприятий. Разве им не нужны молодые специалисты?

— Хозяева большинства заводов Джуронга предпочитают своих людей, более опытных инженеров, технологов, экономистов из Англии, Японии, США, Австралии. Наш брат может рассчитывать на второстепенную работу в конторе.

Мои собеседники рассказали, что получить образование человеку из малосостоятельной семьи нелегко. В Сингапуре бесплатно обучение лишь в начальной школе. В средней приходится вносить за обучение ежемесячную плату. Хотя она как будто бы и небольшая, но

и она ложится тяжелым бременем на многодетную семью среднего сингапурца, в которой трое или четверо школьников. Студенты как государственного, так и частного университетов должны делать большой вступительный взнос, платить за посещение лекций, семинарских и лабораторных занятий, экзамены, консультацию научного руководителя и т. п. Это делает высшее образование труднодоступным для детей малосостоятельных родителей.

— Мой отец простой служащий фирмы, — сказал Лю. — Семье пришлось во многом себе отказывать, чтобы я смог закончить университет и получить диплом. Я надеялся стать юристом и поддержать родителей. Но, как видите, перспективы мои еще очень неопределенны.

— А разве мои дела лучше? — сказал его товарищ. — У моего отца маленький магазин канцелярских товаров. И ему было нелегко выучить детей. Если не найду работу, придется встать за прилавком вместе с братьями.

Я побывал в обоих университетах Сингапура. Государственный университет находится в черте города. В его вестибюле я увидел мраморную доску с выбитыми на ней именами местных дельцов и фирм, сделавших частные пожертвования в пользу учебного заведения. Рядом с именами этих дельцов и названиями фирм были указаны и пожертвованные суммы. Для них это меценатство было своего рода рекламой, визитной карточкой, показателем солидности предприятия.

В настоящее время в государственном университете обучается свыше трех тысяч студентов, не считая заочников.

Датой основания университета считается 1905 год, когда был основан небольшой медицинский колледж. Несколько позже был создан колледж наук и искусств, готовивший преимущественно учителей. Эти два учебных заведения были слиты воедино в 1949 году, послужив основой университета в его современном виде. Британская администрация была вынуждена заботиться о подготовке небольшого числа специалистов с высшим образованием, хотя бы потому, что Сингапур слишком удален от Англии. Но только в годы независимости сложились более благоприятные условия для развития здесь высшего образования.

В составе университета — факультет искусств, социальный, юридический, медицинский, зубоврачебный, факультет наук, а также педагогическая и фармацевтическая школы, имеющие права факультетов. Факультеты в свою очередь делятся на отделения с более узкой специализацией. Так, например, на факультете наук имеются отделения математики, химии, ботаники, зоологии, анатомии, психологии и прочие. В отличие от университета «Наньянг», где преподавание ведется преимущественно на китайском, в государственном университете Сингапура языком обучения служит английский.

К старой части здания, в которой когда-то размещался колледж Раффлза, примыкают более поздние постройки. Имеются планы дальнейшего расширения университета. В годы японской оккупации часть университетского здания была превращена в воинские казармы, в другой части размещалось местное отделение военной полиции кэмпейтай, своего рода японское гестапо, наводившее ужас на мирное население.

Мы зашли в университетский музей искусства, небольшой, но интересный. Его экспонаты — преимущественно дары от частных лиц. Среди них великолепная коллекция китайского фарфора. Нельзя не залюбоваться блюдом с рыбками. Золотые рыбки на бело-голубом фоне словно живые. Это творение рук замечательных народных умельцев Китая конца XVII — начала XVIII века. Есть в музее и более древние предметы. Таковы, например, печатки из Мохенджодаро, центра древней цивилизации в районе реки Инда II—III тысячелетия до н. э. В небольшой художественной галерее собраны картины, рисунки, скульптуры местных художников прошлого века и наших дней.

Музей широко используется в учебных целях. Здесь в зале преподаватели читают студентам лекции по истории искусств, сопровождая их диапозитивами, используя в качестве наглядных пособий произведения китайского, индийского, арабского искусства.

Наньянгский университет расположен в северо-западной части острова, далеко за городом.

Миновав территорию бывшей британской военной базы, въезжаем в живописный холмистый парк, в котором разбросаны здания Наньянгского университета. Главный административный корпус выстроен в тради-

ционном китайском стиле, его центральная часть увенчана изогнутой черепичной, как у пагоды, крышей. От него расходятся по парку выложенные каменными плитами дорожки.

По числу студентов Наньянгский университет меньше Сингапурского. В нем только три факультета: искусств, наук и коммерческий. Но и это солидный научный центр, поддерживающий связи с университетами других стран. В его составе есть также институт по изучению Юго-Восточной Азии, в котором работает группа местных и иностранных ученых — экономистов, социологов, историков. В числе студентов университета китайская молодежь и из Малайзии, Индонезии и других государств. Характерно, что сингапурская научная общественность уделяет большое внимание исследованию проблем всего региона.

В «Наньянге» я встретил группу советских студентов из Московского и Ленинградского университетов, направленных сюда для совершенствования своих знаний китайского языка. Староста группы Игорь вызвался быть моим гидом.

Он показал мне университетскую библиотеку. Ее здание высится на зеленом холме. Я попал в Наньянгский университет в каникулярное время, но в читальном зале было много студентов, склонившихся над фолиантами. Потом мы поднялись на высокую крышу здания, откуда обозреваются живописные окрестности. На севере, за лесистыми холмами, виднелся извилистый Джохорский пролив. За ним была уже соседняя страна — Малайзия.

Продолжаем экскурсию по университету. Игорь делится планами своими и своих товарищей. Советские студенты Наньянгского университета мечтают в будущем стать переводчиками, авторами переводов на русский язык богатейшей китайской классической литературы, заниматься самобытным китайским искусством, изучать историю, культуру китайского народа. Ведь в музеях Москвы и Ленинграда, в крупнейших книгохранилищах нашей страны бережно хранятся богатейшие сокровища китайской культуры, подлинные рукописи прошлых эпох. Как это не похоже на то нигилистически-варварское отношение к культурному наследию, которое, к сожалению, приходится наблюдать в самом Китае.

НЕМНОГО ЭКЗОТИКИ

Сингапур, «Львиный город»! Уже в самом имени улавливаешь что-то сказочное, экзотическое.

О сингапурской экзотике писал уже упоминавшийся мной выше дореволюционный русский путешественник Тихомиров. Вот «Львиный город» его времен: оживленный порт, где встретишь корабли под флагами всех морских держав мира. Пестрос многоязычное население. пышная тропическая растительность. Ночью люди спасаются от зловредных москитов под глухим пологом. На помощь людям приходят маленькие домашние ящерицы, бойко поедающие насекомых. Ящерицы отличаются удивительной способностью бегать по стенам и потолку так же легко и свободно, как это делают, например, мухи. Есть в Сингапуре храмы в честь грозного индийского бога Шивы и его страшной супруги Кали, украшенной ожерельями из человеческих черепов. На рынках продаются тропические фрукты неведомыми загадочными названиями: мангустаны, манго, папайя, дурьяны. Иногда в городе появляются тигры...

В студенческие годы я на почве увлечения филателией встречался со старым ленинградским моряком дядей Шурой, тоже заядлым филателистом. Он был очень стар и давно уже не плывал. Годы ссутулили старика,

редко выходившего из маленькой прокуренной комнаты, напоминавшей корабельную каюту. Но память у дяди Шуры была ясная. Однажды старик рассказал мне о Сингапуре. Позже я попытался восстановить по памяти его рассказ и записал следующее: «О Сингапуре в двух словах не расскажешь. Пестрый он, словно лоскутное одеяло или мозаичная картинка. Есть у него свой фасад и своя изнанка. Фасад — зеркальные витрины магазинов, богатые особняки, начищенные до блеска медные дощечки. А изнанка — вонючие, грязные щели улиц, где живет всякий бедный люд. Кое-кто живет в лодках, а то и под открытым небом. Роскошь и бедность неопиcуемая уживаются рядом...

Впервые попал я в Сингапур, если не соврать, году в девяносто пятом. Молодой был тогда, все мне в диковинку. Встали на рейде. Лес мачт. Каких только флагов не видишь! Британские, расчерченные крестами, трехцветные французские, японские с красным шаром и всякие другие. К нашему судну со всех сторон мчатся лодки. Малайцы, китайцы, индусы галдят каждый по-своему, предлагают фрукты, безделушки, кинжалы с волнообразным лезвием, попугаев. Один парень даже живую обезьяну привез. Боцман ее купил для потехи. Съехал на берег. Набережная ничего себе — пальмы растут, дома красивые. По мостовой рикши бегут, как у нас в Питере извозчики. Только не кони в колясочки впряжены, а люди. Смотрю, в колясочке два англичанина — военные, этакие мордастые верзилы. Еще покрикивают на рикшу, чтобы побыстрее вез. А малаец сухой, жилистый, в чем только душа держится...»

Из сумбурных отрывочных сведений вставал передо мной пестрый, контрастный и экзотический Сингапур. Виделись сухопарые рикши, продубленные тропическим зноем грузчики, продавцы диковинных сувениров, базары с экзотическими фруктами, дворцы и лачуги, храмы и толпы бездомных, красивые набережные и лодки-жилища. Это был Сингапур конца прошлого — начала нынешнего века, когда застроенные кварталы чередовались с густыми тропическими зарослями, болотами.

Между тем за полвека с лишним облик города изменился неузнаваемо. Население его возросло по меньшей мере в десять раз. Здесь выросли огромные массивы современных зданий, высотные сооружения из стекла

и бетона, появились индустриальные районы. Сингапур стал одним из крупнейших городов Юго-Восточной Азии. Он приобрел черты типичного перенаселенного капиталистического города, охваченного строительным бумом, жадной наживы.

Приобретая новые черты, приобщаясь к западной цивилизации, Сингапур многое потерял в своей традиционной экзотике. Поредела пышная тропическая растительность. Нет на острове прежних джунглей, как нет и прежних экзотических представителей фауны. Сравнительно редко встретишь на сингапурской улице велорикшу. Это давно уже не основной вид городского транспорта. Рикша вытеснен автомобилем, маршрутным автобусом или индивидуальным велосипедом. Лишь мелкие лавочки, которые не в состоянии иметь собственный автотранспорт, иногда используют кого-нибудь из своих близких в качестве «домашнего» велорикши, чтобы подвезти товар, развезти заказы клиентам. Отчасти велорикши сохраняются как экзотика для туристов. Если когда-то сингапурские улицы славилась своей грязью, то теперь они выглядят довольно чисто. Власти приняли крутые меры к нечистотам, выбрасывавшим мусор перед окнами своего жилья или витриной своей лавки. Подобных нечистот облагают солидным штрафом.

И все-таки Сингапур своеобразно экзотичен. Черты современного делового и космополитичного города сочетаются в нем с традиционным восточноазиатским обликом. Многие из прежней сингапурской экзотики, о которой писали побывавшие здесь еще в прошлом веке путешественники, все же осталось. Это и лес мачт с флагами всех наций на рейде, и пестрота одежды многонационального населения, и горы диковинных тропических фруктов на базарах, и многое другое, из чего составляется многоцветная мозаика Сингапура. Вот несколько элементов этой мозаики.

Сингапурцы любят цветы. Корзины с цветами принято дарить на свадьбы, дни рождения, национальные праздники, по случаю удачно заключенных сделок и контрактов и просто в знак дружеского расположения. Из ярких разноцветных бутонов составляют вензеля с монограммами и именами, государственные флаги и гербы, иероглифы с мудрыми изречениями. Умение составлять сложные композиции из цветов почитается

как высокое искусство. Они бывают разных оттенков, чаще лиловых. Цветок орхидеи изображен рядом с гербом государства на сингапурском долларе, став, таким образом, как бы второй неофициальной государственной эмблемой. Цветы выращиваются на специальных цветочных фермах, принося владельцам немалые доходы. Одну такую ферму я видел в черте города невдалеке от отеля «Орхидея». На грядках фермы росли десятки сортов этого цветка, отличавшиеся не только разнообразием оттенков, но и формой лепестков.

Орхидея — самый дорогой из местных цветов. Поэтому его не принято дарить пышными букетами или корзинами. Обычно несколько цветков и немного зелени крепится в колено бамбука, кусок шероховатой коры или замшелого дерна. Такая экспозиция выглядит изящным произведением природы и человеческих рук.

Самый роскошный цветник в Сингапуре находится перед зданием аквариума, рядом с Национальным театром. В клумбах неестественно яркие и большие цветы типа тюльпанов и гладиолусов: красные, алые, бордовые, желтые, оранжевые. Любуясь цветником, невольно задумываешься над тем, на какое разнообразие красок способна тропическая природа.

Экзотический характер Сингапуру придает не только его яркая, пестрая растительность, но и его фауна, особенно обитатели прибрежных морских просторов. С ними можно ознакомиться в сингапурском аквариуме, являющемся филиалом Национального музея. Здесь собрана богатейшая коллекция морской фауны, обитающей в прибрежных водах. Вот разнообразные рыбы — от огромных скатов до маленьких золотых рыбок и изящных вуалехвостов, которых часто можно встретить в домашних аквариумах. Вот ракообразные моллюски, морские змеи с приплюснутыми наподобие рыбьих плавников хвостами и еще какие-то диковинные существа. Уродливых плоских и пятнистых рыбешек не отличишь от покрытых плесенью камней. Юркие морские коньки с характерными мордами, отдаленно напоминающими очертания лошадиной головы, свертываются словно спиральные пружинки. Морские звезды неуклюже передвигаются по грунту с помощью судорожно извивающихся лучей-ног. Они охотно поедают коралловые полипы. Мирская печать с тревогой писала, что

полчища морских звезд угрожают разрушением Большому барьерному рифу у восточных берегов Австралии. Крабы и раки с мощными клешнями являются деликатесами местной китайской кухни. И еще там можно увидеть множество других удивительных тварей. Все это резвилось за толстыми стеклами.

Говоря о сохранившихся остатках сингапурской экзотики, нельзя не упомянуть и о заклинателях змей.

— Сейчас заклинателей осталось мало, — сказал мне один сингапурский знакомый. — Раньше их было куда больше. Да и заклинатели были что надо. За хорошую плату они устраивали бой королевской кобры с мангустой. Они позволяли змее жалить себя и оставались целехоньки. А потом та же змея кусала собаку или кролика, и животное мгновенно погибало от змеиного яда. Каждый зритель мог своими глазами убедиться, что ядовитые зубы у змеи не вырваны. А теперь вы встретите какого-нибудь жалкого дилетанта с беззубой коброй...

— Почему профессия заклинателя вырождается? — поинтересовался я.

— В наше время публику трудно чем-нибудь удивить. Уже не кажутся ей удивительными даже всякие чудеса и кошмары из голливудских фильмов. Ко всему зритель в конце концов привыкает. Всякое зрелище приедается. Рядом с голливудскими чудовищами наши самые опасные гадины кажутся безобидными домашними существами. Кстати, ядовитую змею вы можете найти в любой сточной канаве, в каждом саду, чуть ли не на каждом дереве. Не трогайте ее, и она вас первая не тронет...

Однажды я наконец встретил двух заклинателей у обочины дороги близ университета. Очевидно, они полагались на любопытство проходившей мимо студенческой молодежи. Оба — индийцы. Один, постарше, был в красной феске, другой, помоложе, — в тюрбане на подобие чалмы. Заклинатели сидели на корточках на циновке. Перед ними лежали плоские соломенные корзинки, наглухо закрытые крышками. Старший выводил на деревянной флейте заунывную мелодию, всего лишь три или четыре повторяющихся звука.

К заклинателям подошла группа студентов — несколько парней и девушка. Один из парней бросил на

циновку пару мелких монет. Заклинатель в феске, не отрываясь от музыки, посмотрел на студентов хмуро и явно недовольно. Другой что-то буркнул на скверном английском языке. Очевидно, зрелище стоило дороже, чем пара разменных монет. Кто-то из студентов прибавил бумажный доллар, бросил долларовую бумажку и я.

Старший зачинатель оживился. Он снял крышку с одной из корзин. В ней притаилась, свернувшись кольцом, змея, приподнявшая маленькую голову. Взгляд змеиных глаз был цепким, холодным, настороженным. Вдрагивали мускулы змеиного тела, готового выпрямиться и сделать смертоносный бросок. Индеец вновь заиграл на флейте. Змея закрыла глаза и притихла, словно сонная. Тогда зачинатель оборвал заунывный мотив и слегка ткул ее концом флейты. Змея вздрогнула и подняла голову, раздвигая шейные ребра. Это была небольшая кобра. На раздувшейся шее отчетливо просматривался узор — очки. Приподняв голову и шейную часть туловища, змея ритмично раскачивалась, готовая к выпадку. Заклинатель поддразнивал ее флейтой. Она, как замороженная, тянулась к деревяшке, вращая головкой, но не делая попытки кусать конец флейты или руку индийца.

Наконец зачинатель ловким рассчитанным движением схватил змею за шею, отвлекая перед этим ее внимание с помощью флейты, и приподнял над головой. Змея сразу обвисла, расслабилась, шейные ребра сузились. Потом старый индеец закинул кобру за ворот своей рубахи и снова заиграл на флейте, иногда похлопывая себя по животу, где притаилась змея. Заклинатель предложил любому из нас проделать тот же трюк — посадить змею к себе за пазуху. Желающих, конечно, не нашлось.

Зачинатель спокойно запустил руку за пазуху, извлек оттуда вялую сонную кобру и проделал с ней еще несколько трюков. Скинув феску, он обмотал лысую голову змеей наподобие чалмы. Потом стал дразнить кобру, пытаясь заставить ее укусить себя в руку. Я старался внимательно следить за змеей и индийцем и так и не уловил, чтобы кобра действительно разъярилась и укусила своего хозяина. Но зачинатель с победоносным видом показал ладонь со шрамом, очевидно старым, и капельками крови. Представление закончилось.

...Интересное экзотическое зрелище представляют и вечерние базары Сингапура. Рядом с лотками, где продаются фрукты, овощи, креветки, хозяйственные товары, что-то печется и жарится на переносных очагах. Переносная харчевня, включающая жестяную печурку, столик для приготовления пищи, посуду, запас провианта, умещается на одном коромысле. От острых пряных запахов, разноязычного говора, снующей пестрой толпы кружится голова, мелькают темные шаровары китайцев, индийские сари, малайские саронги.

Как на всяком восточном базаре, здесь много зевак, которые пришли просто потолкаться, поглазеть, удовлетворить любопытство, а то и воспользоваться тем, что плохо лежит. Небольшая кучка людей собралась возле какого-то коренастого крепыша-китайца. Взгромоздившись на ящик, он возвышается над толпой и выкрикивает целую речь на удивительной смеси китайского, английского и малайского языков. Речь сочная, эмоциональная, приправленная выразительными жестами и мимикой. Смысл ее примерно таков. Не подумайте, что перед вами шарлатан. Перед уважаемой публикой ученый медикус, знаток новейших методов медицины, телепатии и черной магии. Он изобрел чудодейственное средство. Вот перед вами флаконы с бальзамом. Большие флаконы по два доллара, малые по доллару. Считайте, что это даром. Не стремление нажиться, а желание помочь людям — вот что для него главное. Его бальзам помогает от несварения желудка, ломоты в суставах, экземы, повышает тонус. Это более совершенное и современное средство, чем тигровый бальзам братьев Ау...

В другом конце базара плотное кольцо зрителей окружило небольшую площадку. На земле расстелена циновка. На табурете восседает немолодой китаец в шелковом халате и шапочке, напоминающий мудреца со старинной гравюры. У его ног на земле съежилась маленьким комочком, закутавшись в такой же халат, девушка.

Потом вперед выходит молодой человек, который коротко объявляет:

— Выступает мисс Лили...

Девушка проворно вскакивает, скидывает халат и остается лишь в трусиках и лифчике фасона «бикини» из яркой материи с блестками. Она раскланивается

и начинаст номер. Судя по телосложению, это женщина не первой молодости. У нее толстоватые ноги, низко посаженная талия, чересчур плечистый для женщины торс, стриженные под мальчишку волосы. Лили выступает в жанре «женщина-каучук», исполняя сложные акробатические упражнения и демонстрируя поистине нечеловеческую, каучуковую гибкость. Пожилой китаец включает магнитофон. Раздаются звуки медленной джазовой музыки.

Потом молодой помощник приносит стеклянный поднос с хрустальными рюмками и ставит его на голову акробатке. Теперь Лили повторяет почти все упражнения, ловко удерживая поднос на голове, демонстрируя мастерство и изящество. Она переворачивается, изгибается, проделывает на циновке сложные акробатические трюки, не уронив ни одной рюмки. Зрители восторженно хлопают, многие причмокивают от неподдельного восхищения.

На этом программа не кончилась. Акробатка, раскланявшись и продемонстрировав зрителям отработанную улыбку, закуталась в халатик и устало опустилась на циновку. Тем временем пожилой китаец и его молодой помощник приволокли к арене ящик с тяжелым грузом, осторожно открыли крышку и вытащили питона. Его длина, насколько я мог определить на глаз, была метра два с половиной. Это натуральный сетчатый питон, покрытый красивым узорчатым орнаментом. Из шкуры таких змей в странах Юго-Восточной Азии выделывают дамские туфли, сумочки, портсигары, папки.

Мастер дал сигнал акробатке. Она сбросила халат и встала в центре циновки, расставив на ширину плеч крепкие ноги, подобно штангисту, приготовившемуся к поднятию тяжести. Мастер с помощником набросил ей на плечи огромную змею. Голова и хвост питона лениво свесились вниз, словно концы пестрого шарфа. Публика замерла в оцепенении. Под звуки магнитофонной музыки, крикливой и сумбурной, мисс Лили стала исполнять свой дьявольский танец со змеей, не похожий ни на один из ультрасовременных и самых неистовых танцев. Кажалось, она сама под воздействием каких-то сверхъестественных сил превратилась в змею и стремительно извивается вместе с питоном. Затем танцовщица подхва-

тила ладонями голову и хвост змеи и подняла ее перед собой как тяжелую, провисшую гирлянду. Коричневый узорчатый питон обвил руки танцовщицы. Лили развела руки в стороны и делала лишь судорожные движения плечами и торсом. Она вызывала невольные ассоциации с образом распятой на кресте, проявляющей последние конвульсивные признаки жизни. Змея казалась нереальным символом смерти, которая сейчас закончит с распятой.

Лили кончила свое выступление в состоянии полного физического изнеможения. Она не могла справиться с тяжелой одышкой и судорожно заглатывала воздух, как выброшенная на берег рыба. Капли пота проступали даже через толстый слой грима. А впереди у нее еще было выступление в ночном баре.

...Вечерами из раскрытых дверей баров и кафе на улицы города врываются хриплые звуки саксофонов и труб, дробь ударников. В витринах больших ресторанов — объявления, призывающие посетителей не только отведать утонченных деликатесов местной кухни, но и посмотреть интересное зрелище. Тут же фотографии красоток всех национальностей — певичек, танцовщиц, акробатов, звезд стриптиза или просто дансинг-гёлс, то есть партнерш для танца. Желающий потанцевать может нанять приглянувшуюся ему партнершу на один-два танца или на весь вечер по установленной таксе. Нередко это откровенная торговля живым товаром, скрытая от строгих властей более или менее благопристойной вывеской.

...В Сингапуре нет своего постоянного профессионального театрального коллектива. Есть здание Национального театра, но это лишь сцена, на которой выступают всякие случайные, в основном приезжие труппы. Эту брешь пытаются заполнить низкопробной духовной пищей, заимствованной у буржуазного западного мира, бесчисленные эстрадные исполнители в барах, ресторанах, кабачках. Здесь публика получает худшие образцы западной эстрады вроде стриптиза, откровенно эротических танцев, плохих сиплоголосых и развязных певцов, пытающихся копировать битлсов. Сингапур стал своеобразной Меккой для всей этой накипи западной эстрады, вышедшей, как говорится, в тираж у себя на родине, надеющейся отчасти на невзыскательность

здешней публики, а отчасти на ее любопытство к чему-то новому, заморскому.

В вестибюле нашего отеля, рядом с конторкой администратора, находился крохотный киоск. В нем пожилой индеец торговал сигаретами, открытками с видами Сингапура и различными сувенирами. Среди них были сумочки, кошельки, ремешки из кожи крокодила. В больших сувенирных лавках можно было встретить портфели, баулы и настенные украшения из той же кожи. Шкуры крокодила поставляются сингапурским ремесленникам из Малайзии. Кроме того, в последнее время крокодилов начали разводить на специальных фермах в районе города.

Крокодиловая ферма! Я слышал, что такие фермы есть на Кубе и во Флориде (США). Как не посмотреть такое интересное предприятие, находясь в Сингапуре!

Не откладывая дела в долгий ящик, я взял ближайшим утром такси и поехал по указанному мне приблизительному адресу фермы. Машина долго кружила по извилистым улицам. Дважды мы возвращались к большому китайскому кладбищу с бетонными надгробиями, облепившими зеленый холм. Наконец я втолковал шоферу, что мне нужна крокодиловая ферма.

На окраине города, где фундаментальные многоэтажные постройки сменились домиками сельского типа, окруженными садами и огородами, отыскалась наконец крокодиловая ферма. Принадлежала она предприимчивому китайцу, который жил тут же рядом, в малоприметном особнячке. Хозяина на месте не оказалось. Он уехал в город по своим коммерческим делам. В его отсутствие распоряжался главный служитель, бойкий и словоохотливый парень. Мое появление он воспринял с непроницаемой невозмутимостью. Мистер из Москвы? Ну и что из этого? Мало ли ходит любопытных зевак. Пусть ходят. Ферма открыта для любого гостя. Один придет из любопытства, другой закажет шкуру или купит живой экземпляр. Есть такие чудачки, особенно богатые американцы, которые покупают молодых крокодилов вместо комнатных собак. Каждый старается удивить мир как умеет...

У бассейна с высокими бетонными стенками собралась небольшая группа посетителей: чета пожилых европейцев или американцев, хищнический парень с фо-

тоаппаратом, ушитанный китаец, очевидно местный буржуа, с детьми.

В бассейне копошилось десятка два-три зеленоватых слизких тварей. Они не производили зловеще-устрашающего впечатления, как чучела гигантских крокодилов в Национальном музее. Эти были сравнительно небольшими и выглядели поэтому какими-то худосочными, жалкими. Над бассейном стоял тяжелый смардный запах. Владелец кормил крокодилов разной тухлятиной.

Служитель, чтобы заработать несколько долларов, дал посетителям небольшое «представление». Сперва он продемонстрировал маленького крокодильчика. Таких малышей держат не в общем бассейне, а отдельно, дабы взрослые особи по своей алчности не сожрали их. Служитель крепко удерживал полуметрового крокодильчика за передние лапы. Малыш извивался, как ящерица, разевал тупую пасть, щелкал массивными зубами, безуспешно норовя укусить парня. Служитель предложил каждому из нас потрогать пока еще сравнительно безобидное существо. Взрослый крокодил ударом мощного хвоста способен переломить конечность крупного животного. Дети солидного китайца с восторгом гладили крокодильчика по гребнистой спине, трогали его за хвост.

Потом служитель продемонстрировал собственную отвагу. Передав крокодильчика своему помощнику, он спустился в бассейн. Я читал когда-то, что в Индии старые крокодилы, которых держат в специальных водоемах и почитают как священных животных, привыкают к своим надсмотрщикам, берут из их рук пищу, позволяют трогать себя, даже садиться к себе на спину. Перед нами же был молодой, не слишком самоуверенный служитель. Он с робостью, как мне показалось, остановился у среза воды с пригоршней тухлой рыбы в одной руке и крепкой палкой в другой. Крокодилы проявили некоторое оживление. Несколько животных лениво поползли к нему, а один покрупнее щелкнул пастью, и служитель, пятясь к спасительной лестнице, стал бросать крокодилам рыбу. Уже взобравшись на достаточно высокую лестничную перекладину, парень обрел самоуверенность и сказал:

— Крокодил не трогает того, кто его кормит.

СИНГАПУР ТУРИСТИЧЕСКИЙ

Иностранный туризм — немаловажная доходная статья государственного бюджета Сингапура. В любом первоклассном отеле или скромном пансионате встретишь японцев, американцев, англичан, избравших Сингапур местом для проведения отпуска, каникул или медового месяца. Постоянно сюда наведываются целые экскурсионные группы богатых туристов, членов разных привилегированных клубов. Чаще это престарелые леди, супруги и вдовы миллионеров, деятельные, экспансивные и уверенные во всеильной власти своей чековой книжки. Можно встретить и скромных молодых людей, которым едва удалось наскрести необходимую для дальней поездки сумму. Первые занимают дорогие люксы, набрасываются на редкие сувениры, беспрестанно щелкают кинокамерами. Вторые довольствуются самыми дешевыми номерами без кондиционеров, но зато жадно впитывают сингапурскую экзотику, бродят по вечерним базарам, располагаются с мольбертами на набережных.

Немало долларов, франков, фунтов, иен, крон попадает из кошельков туристов в руки местных лавочников, барменов, владельцев отелей, в кассы нескольких десятков банков. Иностранцы туристы и транзитные

пассажиры оставляют в Сингапуре ежегодно не менее ста пятидесяти миллионов местных долларов. Эта сумма приблизительно равняется всем поступлениям в доходную часть бюджета от таможенных пошлин. Ежегодные затраты Сингапура на экономическое развитие лишь ненамного превышают общую сумму всех государственных и частных доходов от иностранного туризма.

Много в городе сувенирных и других магазинов, рассчитанных на обслуживание иностранных туристов. Вот один из сувенирных магазинов рядом с громадой нового отеля. Владелец магазина — седой благообразный китаец в безукоризненно элегантном костюме, скорее похожий на университетского профессора. С посетителями-иностранцами он учтив и словоохотлив, но не подбострастен, довольно бегло говорит по-английски, немецки, французски, сносно по-японски. Когда посетителей много, хозяйину помогают его моложавая супруга, облаченная в традиционное китайское платье из узорчатого шелка, и приказчик-малаец, вышколенный и предупредительно вежливый.

Магазин — это своего рода небольшой музей прикладного искусства всей Восточной и Южной Азии. Здесь можно полюбоваться балийскими деревянными статуэтками и яванскими волнообразными кинжалами-крисами, фигурками Будды из черного дерева из Шри-Ланка и резными слоновыми клыками из Индии, чеканными блюдами и кувшинчиками с тонким орнаментом пакистанской работы, вьетнамскими лаковыми шкатулками и китайскими нефритовыми безделушками. Во время второго или третьего визита в эту лавку-музей мы с хозяином познакомились и разговорились. Господин Тан (так звали старого китайца) пригласил меня в заднюю комнату. Здесь я увидел традиционный алтарь предков с ароматическими свечами и бронзовой фигуркой Будды и рядом на стене распятого Христа из сандалового дерева. Не знаю, какому из этих богов молился хозяин.

Он рассказал мне, что деловые круги Сингапура, в первую очередь владельцы отелей, увеселительных заведений и магазинов, хотели бы сделать город таким туристическим центром общеазиатского и даже мирового значения. Пусть туристы, транзитные пассажиры, моряки получают здесь представление о диковинках не толь-

ко самого Сингапура, но и соседних стран, смогут приобрести произведения народных умельцев не только сингапурских, но и малайзийских, индонезийских, филиппинских, индийских. Пусть сингапурское государство станет витриной всей Юго-Восточной Азии. Эти стремления бизнесменов всячески поддерживаются государством, извлекающим свою выгоду от притока богатых туристов из-за океана.

— Кое-что у меня есть и для любителей старины, — многозначительно заметил старый китаец, раскрывая передо мной дверцы массивного резного шкафа.

Я увидел фарфоровые и фаянсовые блюда, пиалы, чаши, сосуды мягких монотонных расцветок. Преобдало сочетание белого с голубым. Некоторые предметы покрывала частая паутина трещин. Хозяин упоминал минувшие века, эпохи, императорские династии Цинь, Мин, Юань. Он убеждал меня в подлинности предметов, со знанием дела объяснял, как отличить старинную вещь от более поздней искусной имитации, естественную трещину от поддельной, разрушительный след времени от фальшивки. Спрос на китайский антик, как и на всякую старину, породил возникновение целой отрасли кустарного производства — изготовление различных предметов, стилизованных под средневековое наследие, а то и прямых подделок.

Я сказал господину Тану, что если бы я встретил его, не зная, что это владелец сувенирной лавки, то принял бы за профессора истории искусств. Собеседник принял комплимент как нечто должное и ответил, что он действительно собирался в свое время стать профессором и даже пытался кое-что написать о старом китайском фарфоре. Но в Сингапуре желающих стать профессорами было всегда во много раз больше, чем профессорских вакансий. Точно так же дипломированных врачей, юристов, инженеров, бухгалтеров значительно больше, чем это нужно. Он, господин Тан, послал двух своих сыновей в университет. Один изучает классическую литературу, другой философию. Пусть себе изучают. Разумеется, оба мечтают стать профессорами. Станут ли, это еще сомнительно. Но будет совсем неплохо, если из парней получатся образованные бизнесмены, владеющие иностранными языками, знающие толк в старом китайском фарфоре или в индийской бронзе.

Прощаясь с хозяином, я выразил желание познакомиться с кем-нибудь из местных мастеров. Не мог бы господин Тан порекомендовать мне одного из тех, кто работает на его магазин?

— Отчего же не порекомендовать? Приказчик проводит вас к мастеру Вану.

Хозяин остался в лавке с коллекционером из Австралии, а мы с приказчиком вышли на улицу.

Вскоре мы подошли к дому Вана.

В бедно обставленной комнате сгорбленный сухопарый китаец неопределенного возраста и его дети-подростки, две девочки и парень, трудились за столом. Они разрисовывали памятные вымпелы с фрагментом городского сингапурского пейзажа, предназначавшиеся в качестве недорогого сувенира для туристов. Вот уже готовый вымпел — продолговатое полотнище черного сукна, на котором лаконичный рисунок: набережная, стройная пальма, силуэты зданий, на переднем плане море и лодка. Выразительность рисунка достигается не только его лаконизмом, но и необыкновенной яркостью красок, отливающих каким-то металлическим блеском. Может быть, краски смешаны с бронзовым порошком. Над рисунком надпись: «Сингапур».

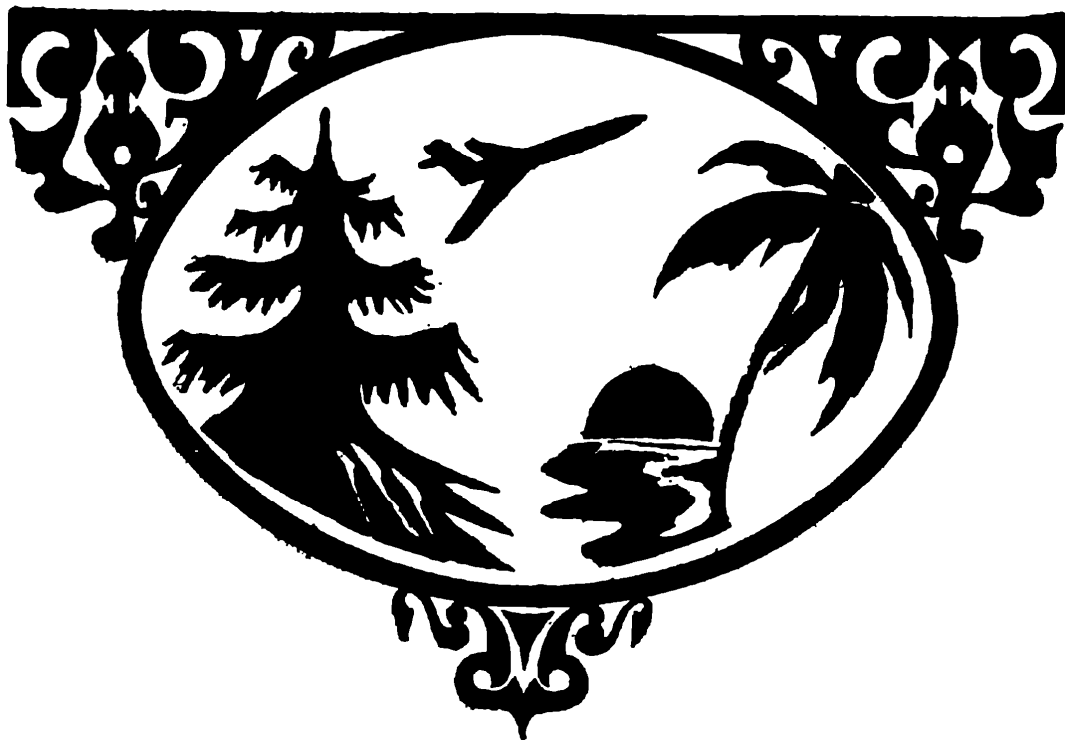
Я уловил определенное разделение труда. Старый Ван переносил с помощью трафарета — листка картона с прорезями и мелка рисунок на полотнище. Его сын разрисовывал передний план — море и лодку, одна из девочек выписывала пальму, а другая — контуры зданий на набережной. Это было поточное производство дешевых сувениров.

Хорошо ли идут дела у мастера? Может ли семья прокормиться этим трудом? С такими вопросами обратился я к старому Вану.

— Как видите, существуем, как существуют другие, — ответил, не отрываясь от работы, Ван. — В наш бедный квартал редко заходят иностранные гости. Приходится иметь дело с господином Таном. На него мы и работаем всей семьей. Еще делаем искусственные цветы, разрисовываем веера. Я работаю и по раскраске стильной мебели. Половина выручки его, половина наша. Так мы договорились с господином Таном. Мы получаем свою долю только тогда, когда товар распродан. Обычно господин не спешит рассчитаться с нами. Бы-

вает, что такие картинки идут по пяти долларов за штуку, а хозяин утверждает, что вынужден продавать их по три доллара. Попробуй проверить его. Ссориться с ним рискованно. В Сингапуре много бедных ремесленников, подобных нам, и далеко не каждый имеет такого постоянного и солидного заказчика, как магазин господина Тана.

Старый Ван не скрывал своей антипатии к толстому Тану. Это были представители двух разных социальных полюсов сингапурского государства. Сыновья Тана учились в университете, чтобы потом стать, как мечтал об этом их отец, интеллигентными лавочниками. Дети Вана не имели возможности закончить среднюю школу. Их уделом стал малоблагодарный монотонный труд подмастерьев. Если бы семейство Вана работало на фабрике, их интересы могли бы ограждать закон о труде, профсоюз. Но кто защитит надомника-мастерового от корыстной жадности подобных танов?

Советские корабли — постоянные гости в сингапурском порту. Послаицы советского искусства не раз выступали на сцене Национального театра Сингапура. Группа советских студентов обучается в сингапурском университете. Происходят взаимные визиты государственных деятелей и деловых людей наших стран. Все это признаки успешно развивающихся советско-сингапурских связей, ставших возможными после ликвидации британского колониального господства.

Сталкиваясь с представителями деловых кругов и общественности Сингапура, можно услышать немало высказываний в пользу развития контактов между обеими странами.

На одной из деловых улиц среди вывесок многочисленных торговых фирм, банков, авиакомпаний можно найти вывеску советско-сингапурского пароходного агентства. Поднимаемся наверх и входим в прохладный кабинет с кондиционированным воздухом. На стене большой стенд с названиями советских теплоходов, бросивших в данный момент якорь на рейде Сингапура или пришвартовавшихся к его причалам. Я насчитал восемь названий. Директора фирмы советский гражданин

и сингапурец ведут деловой разговор с капитанами судов.

Девушка-китаянка приносит сок и говорит с усилием по-русски:

— Добрый день, мистер. Пожалуйста.

Узнаю, что служащие агентства организовали кружок по изучению русского языка. Возможностей для языковой практики с советскими моряками более чем достаточно. Из обрывков разговора, который ведут директора и капитаны, улавливаю, что речь идет о погрузке каучука. Наконец капитаны встают и прощаются. Директора, проводив их, начинают беседу со мной. Они рассказывают, что представляет собой советско-сингапурское пароходное агентство.

Это обычная акционерная компания, созданная на паритетных началах. Интересный и полезный пример делового сотрудничества между нашими двумя странами. Возглавляется агентство советом директоров, точнее, четверкой — два советских гражданина и два сингапурца.

Идея создания подобной акционерной компании подсказана самой жизнью. В последние годы Сингапур приобрел значение важного узлового пункта на советских морских коммуникациях. Ежегодно сюда заходит несколько сот наших теплоходов и рыболовных траулеров, в том числе суда действующей постоянной грузовой линии между советским дальневосточным портом Находкой и Индией. Советские суда заходят в Сингапур для мелкого ремонта, заправки горючим, пополнения запасов воды и продовольствия, загрузки каучуком и другими товарами. До недавнего времени все подобное обслуживание брала на себя английская фирма «Кросфилд энд Харрисон», думавшая прежде всего о своей собственной наживе. Вот и возникла идея обслуживать суда своими силами совместно с местными дельцами, заинтересованными в развитии деловых связей с СССР.

— Советский Союз — солидный покупатель каучука, поставщик добротного оборудования, — добавил сингапурский директор. — Мы дорожим таким партнером. Пусть деловые связи между нашими государствами развиваются.

Сингапурцы проявляют большую заинтересованность в торгово-экономическом сотрудничестве с Советским

Союзом. Об этом, в частности, свидетельствуют заявления многих представителей местных деловых кругов. Между обоими государствами имеется торговое соглашение. Советская сторона закупает в Сингапуре, точнее, через сингапурские торгово-посреднические фирмы каучук, рафинированное кокосовое масло и некоторые местные промышленные изделия. Наблюдается тенденция и к увеличению закупок сингапурскими фирмами советского промышленного оборудования. В числе товаров, закупаемых в СССР,— металлорежущие станки, сварочное оборудование, стекло, шарикоподшипники, хлопчатобумажные ткани и т. п. Сингапурцы также проявляют интерес к использованию передового советского технического опыта.

Не так давно обе стороны подписали авиасоглашение, и между Москвой и Сингапуром установлена прямая воздушная связь. Путь между двумя столицами на современном лайнере занимает теперь только двенадцать часов.

В сентябре 1970 года премьер-министр Сингапура посетил Советский Союз. Подписанное по случаю визита высокого гостя совместное советско-сингапурское комюнике подводило первые итоги развития отношений между обоими государствами. «Обе стороны с удовлетворением констатировали, что дружественные отношения, установившиеся между Советским Союзом и Республикой Сингапур, находятся в процессе расширения и укрепления», — подчеркивалось в этом документе.

В последние годы успешно развиваются всесторонние связи между нашими государствами. Регулярно составляются двухгодичные программы научного и культурного обмена. В Сингапуре неоднократно проводились фестивали советских кинофильмов, советские торговые и книжные выставки, открыты курсы русского языка, осуществляется взаимный широкий обмен различными делегациями, в том числе деятелями науки и культуры. Советский Союз с полным пониманием относится к стремлениям молодой Республики Сингапур решить сложные проблемы укрепления национальной экономики, культурного развития и этнической консолидации.

ОГЛАВЛЕНИЕ

«Львиный город»	3
Смещение эпох и стилей	9
Солнце, воздух, немного земли...	22
Сингапур строится	27
Джуронг — промышленный город-спутник	31
Наступление на море	38
«Парк тигрового бальзама»	42
Разноязычный Сингапур	47
Сингапур студенческий	56
Немного экзотики	61
Сингапур туристический	72
Сингапур — СССР	77

Лев Дёмин

СИНГАПУР МНОГОЛИКИЙ

Редактор Д. Н. КОСТИНСКИЙ
Редактор карт О. В. ТРИФОНОВА
Младший редактор И. П. ВИШНЕВСКАЯ
Оформление художника А. В. СЕМЕНОВА
Художественный редактор Е. М. ОМЕЛЬЯНОВСКАЯ
Технический редактор С. П. ЛЕБЕДЕВА
Корректор И. В. РАВИЧ-ЩЕРБО

Сдано в набор 10 января 1975 г. Подписано в печать 19 апреля 1975 г.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Условных печатных листов 4,62 с вкл. Учетно-издательских листов 4,61 с вкл. Тираж 50 000 экз.
А 01672. Заказ 103. Цена 18 коп.

Издательство «Мысль» 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15

Чеховский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома
при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Чехов Московской области

18 коп.

0,18

